

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Артем КАМЕНИСТЫЙ

S-T-I-K-S
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ УЛЕЙ

Артем Каменистый
S-T-I-K-S. Человеческий улей
Серия «Новый фантастический
боевик (Эксмо)»
Серия «S-T-I-K-S»
Серия «Похождения Карата», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18506369

Артем Каменистый. S-T-I-K-S. Человеческий улей: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-88049-2

Аннотация

Добро пожаловать в Улей – место, куда попасть просто, а выбраться невозможно. И где выжить так сложно, что девяносто процентов иммунных новичков не дотягивают до исхода первой недели, а протянувший год считается старожилом. На большей части изменчивой территории ты всего лишь дичь, а редкие островки стабильности за одну ночь могут превратиться в смертельную ловушку для всех обитателей.

Мутирующие зомби; ударные беспилотники; вооруженные до зубов солдаты неведомых армий, для которых ты не более чем ценный биологический материал; твои озверевшие коллеги по несчастью плюс много чего еще, в том числе запретного,

неназываемого, – вот краткий перечень тех, кто на тебя охотится. Так сколько ты здесь протянешь? День? Неделю? Год? Время пошло...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	49
Глава 6	61
Глава 7	83
Глава 8	100
Глава 9	115
Глава 10	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Артем Каменистый **S-T-I-K-S.**

Человеческий улей

© Каменистый А., 2016

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Жизнь несправедлива. Ты строишь далеко идущие планы, прилагаешь усилия для их воплощения, и вдруг над тобой замахиваются исполинской мухобойкой – что-то непреодолимое вмешивается в твои замыслы, крест-накрест перечеркивая их жирной черной линией. И далеко не всегда это осознаешь сразу, ведь судьба умеет обставить все так, что сам не заметишь, как полетишь под откос в ореоле обломков своего разрушенного будущего.

Сегодня в качестве крупнокалиберного орудия судьбы выступила обычная грязь лесного проселка. Выстрелило оно без промаха, вдребезги разбив распланированную на годы вперед жизнь случайной жертвы. Всего-то и надо было задержать ее ненадолго, не дать успеть пересечь ту черту, за которой ты даже не осознаешь, что избежал очень непростого поворота своей биографии.

В этот обычный на первый взгляд день Игорь вовсе не намеревался угодить в переплет, который кардинально меняет будущее тех, кто в неправильное время оказывается в месте, от которого следует держаться как можно дальше. Планы его были стандартно простыми, и приключениям, опасным для здоровья или тем более жизни, места в них не предусматривалось.

Для начала ему надо доехать до города, далее по-быстро-

му смыть под душем трудовой пот, переодеться и направиться на свидание, о котором договорился с милашкой Светкой еще вчера. У него был заранее подготовлен безотказный сюрприз, который, как правило, делает женские сердца мягче. Глядишь, и растягивать и без того безобразно затянувшийся ритуал ухаживания не придется. То есть ночевать, возможно, предстоит не дома.

С последним он, надо признать, попал в точку.

Тривиальная жизнь молодого одинокого мужчины, нехитрые планы – все было предсказуемо до исхода этого злополучного дня.

Призрак грядущего, о котором Игорь даже подозревать не мог, начал вмешиваться в задуманное исподволь, за несколько часов до того, как все завертелось всерьез. Заклание должно было состояться в определенном месте и в определенное время, но для этого жертву надо было слегка замедлить.

Видавший виды верный «уазик», ухитряющийся пробраться там, где хозяева дорогущих джипов понуро бродят на своих двоих в поисках трактора, безнадежно засел на Хаткинском повороте – месте, где неисчислимое множество и опытных водителей, и новичков стали жертвами тамошней на редкость коварной грязи. От человека здесь мало что зависело: один проезжал почти спокойно; другой спустя пару минут движется по его следам и укладывает машину брюхом на жижу. Такая вот загадка природы.

И что теперь прикажете делать? Искать трактор – не вариант. Возвращаться назад, к буровой – слишком далеко, за светло не успеть. До Хатки куда ближе, но никакой техники в заброшенном поселке нет, а есть лишь несколько потрепанных беспутной жизнью бичей, которые могут помочь, а могут и проигнорировать, – все зависит от непредсказуемых перепадов их настроения и концентрации спирта в крови. До трассы тоже можно дойти, но, опять же, времени при этом потратится слишком много.

В общем, пришлось Игорю закатывать рукава и забирать-ся в липкую грязь. Она не очень-то мечтала расстаться с четырехколесной добычей, сопротивлялась отчаянно, заставив пропотеть до состояния, когда Игорь начал проклинать свое поспешное решение. Уж лучше бы отправился к трассе, сел там на попутку, а уже завтра решил вопрос с застрявшей машиной.

На свидание он безнадежно опаздывал, и, что самое хреновое, телефон здесь не более чем будильник и фотоаппарат: связи нет никакой, и вряд ли она появится в ближайшем тысячелетии. Разве что попробовать на высоченную сосну забраться и оттуда уже достанет? Да ну – бред: здесь, в узкой сырой низине, окруженной высокими холмами, этот фокус не поможет.

Грязь сдалась, когда до темноты оставалось немногим больше часа. К этому моменту начались проблемы со стартером, к тому же при последнем рывке повредило глушитель,

и мотор теперь ревел раненым зверем.

Пусть и с потерями, но теперь «уазик» свободен и на ходу. Лишь бы не встать теперь из-за поломок. В этой машине почти все можно починить с помощью проволоки, пассатижей и такой-то матери, но это приведет к дополнительной потере времени.

Игорь преодолел остатки бездорожья, выбрался на трассу, понесся было в сторону города на максимально возможной скорости, но вскоре был вынужден резко снизить темп из-за густого тумана. Вечерами в этих краях такое случается, но нынешнее марево по плотности побило все рекорды. Свет фар упирался в монолитную молочную стену, асфальт едва просматривался на несколько метров, а далее – непроглядная мгла.

Света уже изнывает от нетерпения, покрашенные ногти грызет в ожидании звонка, а он все еще хрен знает где от города. Эх, вот так и планируй приятный вечерок...

Остановился на обочине, включил «аварийку», отошел от гудящей машины, глушить которую опасался из-за неполадок со стартером. Здесь, в десятке шагов, ее шум не помешает короткому телефонному разговору. Вроде новая пассия не совсем уж тупая курица – должна все понять, простить и даже пожалеть. Ну а если не вникнет в ситуацию, хрен с ней. Найти другую вообще не проблема. Дело ведь вовсе не в том, что наконец нашел свою судьбу, с которой готов жить-поживать до гробовой доски, а в извечном стремлении сам-

да как следует нагуляться.

Поднес трубку к уху, поморщился. Где-то рядом определенно жгут какую-то отвратительную химию: запах такой, будто к носу поднесли открытый флакон с едкой кислотой. Возможно, это и не туман вовсе, а дым от пожара? Хотя что здесь может так масштабно полыхать? Дальний пригород – несколько поселков, влачащие жалкое существование фермы, четыре глиняных карьера, из которых лишь пара действующие, да почти заброшенный железнодорожный полустанок. Может, там, в тупике, пыхнул состав с цистернами? Гадости разной много возят.

Телефон подозрительно молчал, и причина этого обнаружилась с первого взгляда: отсутствовал сигнал сотовой сети. И это весьма странно, потому как здесь мобильный всегда ловил исправно. А чего ему не ловить, если до большого города рукой подать? На каждом холмике вышки, даже быстрым Интернетом можно наслаждаться.

Из тумана вынесся огромный черный внедорожник, в последний миг вильнул, уклоняясь от лобового удара с «уазиком», но маневр был недостаточно своевременным: с дикой силой ударил краем; вдребезги разнес угол; раззявив пасть откинутой крышки капота и сверкая уцелевшей фарой, юзом понесся по обочине, с силой расшвыривая во все стороны щебенку. Напоследок боком ударился о металлическую ленту ограждения, помял ее и себя, остановился.

Да уж, день у Игоря явно не задался.

Впрочем, сейчас не самое лучшее время думать о пострадавшем четырехколесном друге. Он-то был пустой, а внедорожник вряд ли ехал сам собой. Удар не из слабых, люди могли серьезно пострадать.

Игорь бросился к водительской дверце, отжал ручку, потянул на себя. Ничего не произошло. Еще раз, еще, а вот и результат: с натужным скрежетом дверь поддалась, почти сразу всякое сопротивление исчезло, послушно распахнулась. Из-под раздувшейся подушки безопасности на землю вывалился грузный лысоватый мужик лет тридцати пяти, неловко поднялся, придерживаясь за побитую машину, начал лихорадочно оглядываться, что-то невнятно бормоча и сокрушенно трясая головой.

– Э?! С тобой все в порядке?! – спросил Игорь.

Уставившись на него, водитель внедорожника вытер кровь с губы и глухо пробубнил:

– А ты кто?

– Я из той машины, с которой ты поцеловался.

Тот, повернувшись, уставился на пострадавший «уазик» и с надрывом проревел:

– Ты где права купил, дятел?! Кто тебя вообще водить учил?!

Игорь ничуть не опешил от такого наезда. Видал и похуже, к тому же можно многое списать на стресс после неслабого столкновения. Потому без лишней агрессии, но очень твердо ответил:

– Сбавь обороты, и голосить во всю пасть тоже не надо, тут тебе не похороны. Машина не ехала, а стояла с включенными фарами, на «аварийке», прижавшись к краю обочины с правой стороны. Разуй глаза и сам это увидишь. Полоса здесь двойная, а твой катафалк почему-то несея по встречной с такой скоростью, будто его наскипидарили. Туман видишь? Он сейчас такой, что даже пять километров в час – уже «Формула-1», а ты мчался ну никак не меньше пятидесяти-шестидесяти. Ну и кто из нас права купил?

– Слышь, кончай уже грузить, умник. Это мы еще посмотрим, кто где стоял и кто как ехал.

– Да без проблем. – Игорь пожал плечами. – Вызовем гайцов, пусть разбираются, я разве против. Ты один в машине?

– Я... Чего?! О! Блин! Ляля! Лялечка!

Незнакомец, будто очнувшись, резво сунул голову в недра машины и голосом нежного папаши, склонившегося над колыбелью, произнес:

– Ляля, ты там как? Не сильно ушиблась?

– Я нос об эту подушку расквасила, – ответили плаксивым и не слишком мелодичным женским голосом. – Может, даже сломала. Гриша, я боюсь, что мне теперь делать? В такое время порядочных врачей нигде не найдешь, ночь уже.

– Сейчас! Сейчас мы все решим, милая! Посиди тихонько, сейчас будет все!

Мужик начал лихорадочно водить пальцем по экрану дорожного смартфона, что-то невнятно при этом бормоча себе

под нос. Затем, так и не найдя того, что искал, спросил:

– А ты это... телефон лечилки не знаешь? Ну там врачей как вызвонить?

– Знаю, но здесь связи нет.

– Да ты гонишь, я только что базарил, все было!

– Ну вперед, звони дальше.

– А ведь и точно, ни одной полоски не показывает. Что за фигня? У тебя тоже так?

– Говорю же, нет связи. Что неясно?

– Ляля волнуется, нос у нее совсем плохой. Недавно на нем операцию делали, любит она красоту наводить. Врача надо быстро. У тебя машина на ходу?

Игорь покачал головой:

– Радиатору точно кранты, и заглохла после удара. Вряд ли получится завести, там и до этого стартер совсемдохлый был.

– Вот нахрена на ржавых тазак гонять? Все наши беды из-за таких, как ты. Вот ведь повезло на тебя нарваться, откуда только беретесь...

– Этот таз проедет там, где твой катафалк по крышу утонет.

– А я по дерьму не езжу.

– Зато я езжу.

– Слушай, надо что-то придумать со связью. Резко придумать. Ляля ждать не может, у нее кровь из носа идет, впечатлительная она.

– Можно дойти до фермы или поселка, поискать там стационарный телефон.

– А далеко идти?

Игорь пожал плечами:

– Я не знаю, в этом тумане не пойму, где мы вообще оказались. Озеро я вроде не проезжал, оно должно быть справа, и напротив него мост маленький.

– Я только что через какой-то мостик проскочил. А потом сразу – бах, и здравствуйте.

– Это хорошо. Там чуть дальше будет дорога, тоже направо, к поселку, который за озером строят. Часть коттеджей уже готова, там люди живут. Не уверен, что в домах есть стационарные телефоны, но «Скорую» вроде бы можно вызвать и через сайт, а Интернет там должен быть, место не из самых бедных.

– Это как через сайт?

– Не сталкивался, но слышал, что можно.

– Сгоняешь туда? Вызовешь? Я просто Лялю оставлять боюсь, без меня она что дите малое. Сгоняй, ты молодой, тебе разве трудно. Вот, визитка моя, с нее прочитаешь им, кому помочь надо. И вот, я телефон на другой стороне напишу. Попробуй туда дозвониться. Толик там, кореш мой, он деловой, во всех темах сразу сидит, сам все порешает как надо. Ну, чего ты тут стоишь? Иди уже, или ночевать здесь останемся. Не видишь, что ли, кроме нас, никто не ездит. Дорога будто вымерла из-за этого тумана.

Ночевать здесь не хотелось. А машин и правда почему-то нет. Так что предложение своевременное и правильное, а лучших кандидатур, чем Игорь, здесь не отыскать. Одно плохо – нагловатый тон, каким все это высказывалось.

Впрочем, сейчас не те обстоятельства, чтобы становиться на рога из-за такой ерунды. К тому же по всему видать, что Гриша иначе изъясняться не обучен.

* * *

Кислый запахок доставал все сильнее и сильнее. Вот-вот и от него начнут слезиться глаза. Мысли о том, что где-то рядом, возможно, горит что-то опасно-химическое, не выходили из головы. Очень может быть, что он рискует надыхаться этой гадостью до опасного отравления. И как этому помешать? Противогаза у него нет, в какой стороне источник возможного заражения – неизвестно, куда следует бежать, чтобы побыстрее выбраться на чистый воздух, – тоже непонятно. Остается последний вариант – добраться до поселка, там узнать последние новости и там же попробовать дозвониться.

Кстати, то, что машин нет вообще, тоже наводит на мысли о химическом заражении. Где-то впереди и сзади трассу, возможно, перекрыли, но Игорь выехал по отвратительной грунтовке из глухого леса, а водитель джипа успел проскочить или тоже появился с не слишком популярной боковой

дороги.

Блин, надо было хотя бы тряпку намочить и дышать через нее. Не противогаз, но от обычного дыма помогает. Уж очень неприятный запах, с этим туманом явно что-то нечисто.

Влагой потянуло. В густом мареве поле зрения минимально, но Игорь почти не сомневался, что справа началось озеро. По местным меркам большое, и достойная рыбка в нем водится – хороший вариант для пригородного поселка. Имей он деньги – сам бы не отказался обзавестись здесь коттеджем, но при таких изуверских ценах можно только облизываться.

Все верно, Игорь не ошибся, он и правда находился рядом с озером. Из него вытекал едва заметный ручей, а через топкую низину переброшен мост. Очень узкий, временный, всего лишь в одну полосу. Машины здесь проходят чуть ли не впритирку к узким перилам. Вопреки всем нормам безопасности для пешеходов места вообще не оставили, для них понизу проходит тропинка, где через воду переброшена пара досок. Там и днем-то неудобно ходить, а уж ночью, да в такой мгле и без нормального фонарика – тот еще триллер.

Нет уж, Игорь пойдет поверху, ведь машин, которых там стоит опасаться, нет. Дорога вымерла.

Увы, но неприятности, которыми изобиловал затянувшийся день, еще не исчерпались. Не успел Игорь дойти до середины, как расслышал быстро усиливающееся урчание автомобильного мотора. Странный туман искажал звуки, каза-

лось, что машина гудит в сотне метров, но вдруг мглу про-
резали столбы света от пары фар – и вот он: быстро прибли-
жающийся бампер микроавтобуса.

Что хуже всего, мчится он быстро и плевать ему на воз-
можных пешеходов. Водитель – полный псих, гонит куда
быстрее, чем толстяк на внедорожнике. Да как он до сих пор
не вылетел в кювет в такой мгле? Самоубийца...

Все эти мысли стремительно пронесли в голове Игоря,
пока он перебрасывал свое тело через перила. Мчаться на
другую сторону моста – не вариант. Слишком узкий, сто́ит
ненормальному водителю чуть вильнуть – и достанет даже
там. Только вниз – не самый приятный, но оптимальный вы-
ход. Высота невелика, так что пострадает лишь одежда, гряз-
но там в любое время года, кроме холодной зимы.

Игорь успел убраться с пути за миг до столкновения. Ни-
чего не видя, пролетел метра три, поджал ноги, намерева-
ясь пружинно встретить землю. Но вместо раскисшей почвы
угодил на край того самого дощатого мостка, по которому
передвигаются здешние пешеходы.

Столкновение вышло неудачным: ногу больно дернуло,
всякая опора и чувство ориентации в пространстве пропа-
ли, Игорь завалился в темноту, вскользя приложившись ма-
кушкой о массивный столбик, являвшийся частью основа-
ния моста. Сильный удар напрочь выбил сознание из головы,
отправив в совсем уж крошечный мрак.

На этом первая ночь новой жизни для Игоря закончилась.

Глава 2

Пробуждение было не из приятных. Голова болела как перед смертью, ноги болтались в холодной воде ленивого ручейка, а торс – в грязной траве. Прямо перед носом расселась огромная зеленая лягушка, с важным видом уставившись на Игоря. Когда тот начал подниматься, она с явной неохотой упрыгала.

Игорь недоуменно огляделся. Потрогал страдающую голову, нащупав в районе макушки знатную шишку. Слегка подташнивало, но ему не верилось, что мозгам досталось настолько серьезно, что он провалялся в таком несимпатичном месте всю ночь. Ну а как иначе объяснить то, что время приближается к рассвету, темнота осталась в прошлом, даже сумерки и те уже отступили.

Вытащил из кармана брюк телефон, чтобы узнать точное время, но здесь его ждал жестокий облом: вода ручья добралась до нежной электронной начинки, и аппарат не подавал признаков жизни. Может, после капитальной сушки заработает, но дело это небыстрое.

И что прикажете делать? Шагать в поселок? Да он теперь на печального бомжа похож. Негоже в таком виде показываться в приличном месте. Водитель разбитого джипа не дождался подмоги, небось сам уже все вопросы решил, благо машины по дороге, как оказалось, все же ездили. Игорь не

успел далеко уйти, сейчас быстро вернется и посмотрит, что там за обстановка. К тому же в багажнике осталась сумка, где лежит второй телефон. Старенький, держал он его исключительно за удобный встроенный фонарик, который иногда выручает. Странно, что не вспомнил о нем ночью, когда свет не помешал бы.

Если снять с залитого телефона сим-карту и переставить на тот, можно будет попробовать связаться с городом. Теперь уже не только Светку надо вызванивать с извинениями, а и начальство, потому как на утреннюю планерку он точно не успевает.

С этими мыслями Игорь выбрался наверх и направился назад, к машине.

Токсичный туман исчез бесследно, видимость отличная. Игорь рассмотрел озеро за дорогой и коробки недостроенных коттеджей за ним. Никаких признаков жизни там не наблюдалось, но он точно знал, что некоторые дома, из дальних, обитаемы еще с прошлого года. К тому же на территории присутствует охрана, да и рабочие должны быть. Если не срастется со вторым телефоном, ему все же придется идти туда, потому как такому грязному и мокрому типу придется очень долго тормозить попутку.

Свою машину Игорь увидел за первым же поворотом. Рядом с ней стоял черный джип. С виду на месте аварии ничего не изменилось, Игорю это очень не понравилось.

И движение опять же слишком слабое, ни одного автомо-

бия он так и не увидел за все время, если не считать того сумасшедшего микроавтобуса. А ведь дорога из популярных.

Что-то тут явно нечисто...

Прошел мимо «уазика», постучал по крыше джипа:

– Эй! Есть кто живой?!

В ответ тишина. Что ж, получается, люди из этой машины все же смогли каким-то способом уехать. Может, прямо сейчас лучшие светила провинциальной хирургии спасают нос Ляле. Жаль, что он так его и не увидел, интересно ведь оценить.

Дверь внедорожника так и осталась открытой, Игорь не удержался, заглянул. Сдутые полотнища подушек безопасности, водительская густо залита кровью. Нахмурился, ведь у мужика не было видно серьезных повреждений. Откуда столько могло натечь? Пассажирская вообще чистая, хотя Ляля вроде как основательно расквасила нос.

Под кроссовкой металлически звякнуло. Скосив взгляд вниз, Игорь разглядел латунный цилиндрик. Присел, поднял гильзу, понюхал. Запашок свежий, судя по характерным признакам – от травмата.

И что это значит? Дорожные бандиты напали на разбитый джип? Может быть и так, хотя подобные шалости маловероятны, но все же исключать их нельзя. А может, сам водитель джипа с кем-то выяснял отношения и не придумал ничего лучшего, чем применить пистолет. Такие ограниченные личности любят таскать стволы и размахивать ими по любому

поводу.

Пострелял немного, залил кровью машину и пропал куда-то вместе со своей подружкой. Как-то это все странно.

Крови, кстати, многовато. Тут дело вовсе не в царапине, натекло очень прилично. Глядя на потеки, Игорь боролся с усиливающейся дурнотой. И виной этому вовсе не то, на что он уставился, ведь такие вещи его никогда не смущали – нервы крепкие. Похоже, голове досталось куда сильнее, чем показалось поначалу. Или сказываются последствия того тумана, знатно дурной кислятиной надышался. Что-то с ним явно не так, даже мысли путаются, хочется просто постоять, ни о чем не думая.

Где-то вдалеке треснул выстрел, прокатилось приглушенное эхо, быстро стихло. Охотники балуются? Да вроде еще не сезон. К тому же дичь возле города – редкость. Даже вдали от него, где далеко не каждому проехать удастся, можно весь день проходить по лесу и не встретить ни единого выводка рябчиков. Извели зверье, скоро вообще не останется.

Да и палили явно из нарезного, причем не из мелкашки. Такие стволы не столь уж и великая редкость, вот только стрелять из них здесь вообще некого. Это надо дальше, к реке ехать, к сырым пойменным лесам и плавням, поближе к кабанам. Ну и помимо них можно много чего интересного встретить. А тут только полицаев злить такими звуками.

Машин так и не было, дорога будто вымерла. Нет, она и раньше не отличалась чрезмерной загруженностью, но не до

такой же степени.

Хватит уже в недоумка играть, здесь явно что-то происходит. Игорь не знал, во что именно на этот раз вляпался, зато понимал, что надо делать дальше. Тот мужик был прав, придется идти к поселку и там уже действовать по обстоятельствам. Хоть и перепачкан, но одежда не рваная, документы в полном порядке, объяснит там, что в беду попал, помогут чем смогут. Народ у нас не улыбочивый, но зато отзывчивый.

За спиной послышался шум. Игорь обернулся и понял, что хозяин разбитого джипа никуда не уехал. Он все еще был здесь — стоял в десятке шагов.

Нет, не стоял. Приближался.

* * *

Как и многие его современники, Игорь не раз смотрел фильмы, где фигурировали ходячие мертвецы, или, говоря короче, зомби. Достаточно удобный сюжет для рядового фантастического сценария, ведь не надо работать с дорогими спецэффектами ради создания дивного облика совершенно фантастических чудовищ. Враг легко узнаваем; мотивация его не нуждается в занудных объяснениях; достаточно немного грима, чтобы превратить в такое страшилище любого. Нет ни малейших проблем с созданием целой толпы бодрых покойников, лишь бы статистов хватило. Причем последним вовсе не нужно проявлять какие-либо особые спо-

собности, знай себе ковыляй походкой обделавшегося человека, куда режиссер прикажет.

Из простоты реализации проистекала возможность даже для начинающего работника кинематографа или вовсе зеленого любителя легко приобщиться к популярному жанру. То есть, имея хоть какую-нибудь камеру или доступ к ней, можно на бюджете, соизмеримом с размером студенческой стипендии, создать как минимум короткометражку с громким названием «Зомби против стриптизерш». Великий талант или хотя бы внятный сюжет при этом вовсе не обязательны, главное – энтузиазм, много кетчупа вместо крови и трясущая картинка.

Естественно, из-за таких вот горе-режиссеров и им подобных и без того неблагородную тему заездили до неприличия. Игорю иногда приходилось сталкиваться с очередными подделками в этом жанре, и не признать то, что уровень падает ниже самых последних плинтусов, он не мог.

Первое, что сейчас вспомнил, это как раз такие фильмы. С наигранными ужимками непрофессиональных актеров, убогим гримом и копеечным кетчупом. Именно героем подобного «шедевра» в данный момент выглядел водитель несчастного джипа.

С того момента, когда Игорь пошел искать поселок, мужчина сильно изменился. Он где-то потерял свои брюки, щеголяя теперь в цветастых трусах почти по колено, остальная одежда на нем была разорвана и перепачкана в крови, что

сплошной запекшейся коркой покрывала нижнюю половину лица. Над темно-красным месивом тускло поблескивали два блеклых рыбьих глаза: жизнь в них не просматривалась.

А еще можно было рассмотреть рваную дыру на правой щеке, через которую было видно коренные зубы. Возможно, именно из этой раны столько натекло.

Нет, грим тут явно не из дешевых. И пахнет деревенским сортиром, что для кинематографа излишне.

Да тут вообще гримом не пахнет! Тут!..

Ходячий покойник дышал шумно, с натужным хрипом. И при этом медленной покачивающейся походкой приближался к Игорю. Руки не протягивал, вкусные мозги не кланчил, но это был именно зомби или что-то из этой же замогильной области. Мужик необратимо мертв, это поймет любой, просто глянув в его погасшие глаза.

А потом он омерзительно заурчал – страшно, не по-человечески. В тусклых глазах проскочили искорки вожделения. Мертвец как следует разглядел Игоря, и увиденное ему понравилось.

С гастрономической точки зрения.

Сбоку послышалось подозрительное шуршание. Скосив взгляд, Игорь увидел женщину неопределенного возраста, ползущую в его сторону с явно недобрыми намерениями. То, что она коллега первого зомби, было совершенно очевидно. Шея несчастной была разодрана так, что можно было разглядеть кости и оголившуюся артерию. И тем не менее, несмотр-

ря на очень серьезные повреждения, эта барышня двигалась достаточно бодро. Правда, при попытках подняться тут же заваливалась, но это уже мелочи.

– А ну стоять! Стоять, сказано! Не подходите! – с угрозой протянул Игорь.

Он ничуть не удивился тому, что его настоящую просьбу проигнорировали. Просто хотел услышать собственный голос, сам не понимая, зачем это сейчас надо. Отступил на шаг, от души щипая себя за руку. Болит, вроде бы не сон. Да и не бывает сон таким реальным, по крайней мере, ранее подобного с ним не случалось.

Еще шаг, еще. Парочка приближалась медленно, но не сбавляла темп. Можно без труда уйти, если двигаться ускоренно, а бегом он оставит их далеко позади через пять минут. Но мчатся непонятно куда не хотелось. Мир из понятного и предсказуемого превратился в сумасшедший дом, и это следует осмыслить без суеты.

Что вообще теперь делать? Вот что должен делать человек, угодивший в ситуацию, когда вокруг него шастают ходячие трупы?

Игорь точно знал, что не следует делать ни в коем случае. Не надо оставаться на дороге, где происходят такие жуткие вещи. Потому перелез через ограждение, оглянулся, оценил дистанцию до бодрых покойников, быстро зашагал вверх по пологому склону, планируя взобраться на пригорок, а далее, скорее всего, обойти озеро и добраться наконец до поселка.

Может, хоть там что-нибудь прояснится.

Через минуту обернулся. Увидел, как водитель неуклюже перевалился через ограждение, упал в высокую траву, неловко поднялся, пошатываясь, будто пьяный, продолжил идти вслед за Игорем. А женщина сильно отстала и теперь не может понять, как преодолеть преграду, – так и ползет вдоль нее.

По крайней мере, скудоумием она не отличается от киношных зомби. И это слегка утешало.

Глава 3

Пост охраны выглядел плохо. Разбитые стекла, перекошенная дверь висит на одной петле, а на стене остался четкий отпечаток окровавленной ладони. Игорь крутанул в руке прихваченную по дороге увесистую палку, осторожно заглянул через окно. Внутри перевернутый стол и стулья, бурые брызги, какие-то разбросанные узкие бумажки разных цветов. Ни живых, ни мертвых, и ничего полезного, вроде действующего телефона.

Обернулся. Бывшие жители поселка, весьма вдохновленные его прибытием, медленно покачиваясь, неотвратно приближались с трех сторон. Ничем не отличаются от той неприглядной парочки, которую он оставил позади. Вон какой-то бородач ползет так же, как та женщина, с трудом удерживая голову на весу. На некоторых можно разглядеть раны или хотя бы кровавые пятна на одежде, другие с виду не получили никаких повреждений, но устраивать им осмотр не было ни малейшего желания.

Все как один медлительные, но они могут стать большой проблемой, если заблокируют его в помещении или окружают толпой на открытой местности. Игорь по все тем же фильмам прекрасно помнил, что один укус такого субчика может быстро приобщить его к армии живых мертвецов, и подобная перспектива не вдохновляла. Возможно, здесь дело со-

всем в другом, и этого не произойдет, но проверять на себе почему-то не хотелось.

Прикинув диспозицию, он решился. Заскочил внутрь, быстро промчался по маленькому помещению, расшвыривая в стороны стулья, бумаги, какие-то картонные коробки под стеной. Но все тщетно, никакого оружия или средств связи так и не нашел. А ведь возлагал на здешнюю охрану определенные надежды.

Игорь не собирался воевать с мертвецами. Возможно, он ошибается, и они просто тяжело больны, а излечение возможно, пусть даже не для всех. Но на случай, если его обложат всерьез, хотелось бы иметь возможность врезать по колену резиновой дубинкой или даже выпустить пулю в голень. Лучше пусть потом разбираться с полицией и нелогичной судебной системой, чем бродить вот так... пьяно пошатываясь и с вожделением урча при виде нормального человека.

Выскочил наружу, показал фигу ближайшему мертвяку, обернулся в одну сторону, в другую. Поселок почти необитаем, из полутора десятков зомби лишь треть не характерной азиатской наружности. Остальные как раз те, чернявые, в рабочей одежде, да и европейцев в таком прикиде хватает. Все эти люди еще вчера работали на здешних стройках. И вряд ли их было так мало. Тогда где все остальные? Не исключено, что прямо сейчас стягиваются сюда, на ближайшую к озеру улицу.

В поселке, похоже, ловить нечего. Ну разве что большие

неприятности. Телефона в будке охраны не оказалось, где его искать, он не знает, да и лазить по немногим обжитым домам не хотелось. За дверью там может случиться всякое. Например, встреча с хозяином. И хорошо, если он холодный и медлительный. А если перепуган до чертиков от происходящего кровавого цирка и сидит, забившись в угол, держа при этом палец на спусковом крючке любимой двустволки?

Игорь не считал себя трусом, но и не видел смысла так нарываться.

Машина. Ему срочно нужна машина. Дернет в город, уж там точно должен быть какой-то порядок, а не бардак разгуливающих где попало неугомонных жмугов.

Новенькая «Вольво» у ворот. Такую машину с ключами в замке зажигания никто не бросит, но Игорь все же подбежал, убедился, что так оно и есть. Их можно поискать, но для этого придется заходить в дом, рисковать, терять время. Покойники продолжают стягиваться к нему, видимо, их привлекает суета, создаваемая единственным полноценно живым, и попадать в их окружение не хочется.

Дальше, дальше, еще дальше. К стройкам. Может, там что-нибудь найдется. Опыта управления грузовиком у Игоря не было, но сейчас он согласен сесть за руль чего угодно, хоть груженого цементовоза или даже ассенизаторской машины. Лишь бы оно ездить могло.

Выдавшая виды «Газель». Хороший вариант, но ключа тоже нет, и искать его тоже не получится по тем же причинам.

Значит, надо шагать дальше. А это что там, вдали, у вагончика на краю внушительной стройки? «Уазик-буханка», то, что нужно, машина знакомая. Только что там случилось? Почему бампер уткнулся в покосившийся от удара забор? Авария? А кто повеселился с дверью водителя? Она оторвана и валяется в стороне, а ведь при столкновении пострадать не могла.

И что там, еще дальше? В той стороне, куда ведут темные полосы, которые тянутся от машины?

Дальше, скорее всего, расположился водитель. А если точнее – то, что от него осталось. Большая часть костей, мясо на голеньях и частично на черепе, фрагменты мягких тканей там и сям. Присевший над останками ребенок лет десяти с урчанием пытался отодрать кусочек от добротнo обглоданной кисти, но получалось плохо.

Игоря наконец стошнило. Желудок пустой, рвало чистой желчью, зато от души, едва на ногах устоял. Малолетний зомби на него никак не реагировал, так и продолжал заниматься своим неаппетитным делом.

Оно и к лучшему, лишнее внимание сейчас ни к чему. О! Удача! Ключ так и остался в замке зажигания. Кто-то напал на машину прямо в движении, когда она, скорее всего, ехала очень медленно. Оторвав дверцу, этот неведомый силач далее выдернул водителя, оттащил его за дорогу и там оставил то, что сейчас доедает ребенок.

На дверце виднелись следы, подозрительно похожие на

те, что могли бы оставить немаленькие когти. Кто-то, разбив стекло, ухватился за металлический край так, что металл смяло, а местами даже слегка порвало.

Ногтями такое вряд ли сделаешь.

Хуже всего, что этот зловещий силач может скрываться где-нибудь поблизости. А может, даже прямо сейчас смотрит на Игоря и представляет, с какой именно части тела начнет его употреблять.

Поверить, что тот ребенок самостоятельно смог умять столько человеческого мяса и внутренностей, невозможно. Кто-то основательно поработал до него. И не факт, что наелся досыта.

Машина, оставшись без водителя, заглохла, после того как уткнулась в забор. Игорь просто выжал сцепление, завел, отъехал от преграды, ударил по газам так, что взвизгнули шины. И помчался, не притормаживая на поворотах и не обращая внимания на многочисленные колдобины. Надо как можно быстрее покинуть поселок, в котором водится кто-то, способный на ходу оторвать дверцу «уазика» и позавтракать водителем. Сейчас главное скорость, нельзя давать такому изворотливому людоеду ни единого шанса.

Краем глаза вроде бы заметил стремительное движение между коробками недостроенных домов. Скосил взгляд – вроде ничего не видать. Скорее всего, показалось. Нервы шалют, куда от них денешься в таком переплете.

Объехал одиночного мертвяка, неуклюже ковылявшего

по дороге. Тот, скотина, ухитрился удивительно быстро прыгнуть на пару метров и вытянуть покрытую заскорузлой кровью руку. Но лишь безвредно чиркнул ногтями скрюченных пальцев по борту.

А ведь еще чуть-чуть, и смог бы как следует ухватиться. Дверцы-то больше нет, Игоря слева ничего не защищает.

Машина преодолела разбитый грузовиками строителей проселок и вынеслась на трассу за тем самым мостиком, под которым Игорь провел большую часть ночи. Ну, теперь он на просторе, страхи отступили, сейчас с ветерком помчится в сторону города. Если ничего не помешает, то он будет на окраине минут через десять. Ехать всего ничего.

* * *

Магнитолы в машине не было, так что послушать радио не удалось. И музыкой себя развлечь не получилось. Без последнего, конечно, прожить можно, а вот без каких-либо новостей...

Несколько раз попадались машины, брошенные прямо на дороге и обочинах. Некоторые столкнулись с ограждением или даже вылетели за него. Почти у всех дверцы нараспашку. Лишь однажды поблизости встретилось нетронутое неподвижное тело, и при этом рядом никого не заметил.

Объединенные костяки попадались часто.

Подвижные тела встречались еще чаще. Оборачиваясь на

шум мотора, они, ковыляя одинаковой походкой беременной утки, по мере сил спешили навстречу машине. Игорь их легко объезжал, при этом стараясь не подставлять левую сторону. Помнил про того ловкого попрыгунчика. И эта тактика оправдалась, еще несколько мертвяков бросались с неожиданной прытью, как только дистанция сокращалась до нескольких шагов. Один даже ухитрился подставить голову под удар стойкой. Может, ему при этом шею свернуло, но Игорь даже не обернулся.

Вот теперь он готов их убивать. Уже несколько раз видел лежащие тела, над которыми пировали эти твари. И лишь в одном случае это была собака, во всех других – люди.

На всю оставшуюся жизнь запомнилась дряхлая старуха, которая, потеряв где-то вставные челюсти, пыталась голыми деснами отгрызть сочный кусочек. Очень непросто разглядеть такие детали из не так уж и медленно движущейся машины, но бабка будто специально позировала, развернулась вовремя, оскалилась. У кого есть глаза, такое не пропустит.

Глаза у Игоря были.

А вот и город, точнее его промышленная окраина. Надо лишь пересечь кольцевую дорогу, но развязка здесь удобная, ее недавно сделали, даже в час пик заторов не бывает. Ну а сейчас, когда на дороге всего одна машина, можно вообще не оглядываться по сторонам.

В этот миг над машиной пронеслась длинная распластанная тень, и тут же позади ослепительно сверкнуло. По ушам

ударил тысячетонный молот. Игоря, будто нашкодившего котенка, вышвырнуло через проем отсутствующей дверцы, тело покатилося по асфальту, болезненно соударяясь с ним локтями, коленками, головой и прочими уязвимыми местами.

Когда инерция погасла и он наконец остановился, сил не осталось даже дышать. В ушах гудел церковный набат, заглушающий все прочие звуки мира. Картинка перед глазами неузнаваемо расплывалась. Вроде бы в поле зрения еще раз промелькнуло что-то длинное, похожее на огромный тонкий крест, но сфокусировать взгляд не получилось.

Да и не хотелось. Состояние было схоже с тем, что Игорь испытал пару лет назад, когда сверзился с крыши на груды мешков с зерном. Не покалечился, но посадка вышла не из мягких: свет померк; дух выбило так, что некоторое время Игорь балансировал на грани сознания.

А сейчас все гораздо хуже. Больно, мерзко, непонятно и дико. Тело вроде бы на месте, судя по испытываемым мукам, но оно при этом ухитряется не ощущаться.

Давай, давай уже, в себя приходи, не будь гнилой тряпкой. Сюда уже топают мертвяки, им будет приятно застать тебя в беспомощном состоянии.

Со стоном приподнялся, затряс головой. Как ни странно, но столь примитивный порядок действий помог. Вместо расплывающейся мути появилась сносная картинка. Тускловатая, и цвета передаются как-то странно, но он все же видит.

В поле зрения попал «уазик». Машина каким-то образом оказалась на склоне насыпи, поддерживающей эстакаду развязки. Она лежала на боку, и задняя ее часть, сильно смятая и лишенная правого колеса, густо дымила и выбрасывала язычки пламени.

Эта «буханка» свое отъездила.

Тело слушалось отвратительно, но Игорь все же сумел отползти к обочине, перебраться через ограждение, залечь на склоне, вжимаясь в разросшийся здесь бурьян. И вовремя – он в третий раз увидел крестообразный предмет, но на этот раз успел рассмотреть его во всей красе.

Самолет с непомерно тонким фюзеляжем и такими же крыльями, отходящими почти под прямым углом. Хвостовое оперение причудливое, тройственной симметрией похоже на непомерно разросшуюся звездочку «Мерседеса».

Из-под крыла летательного аппарата вырвался дымный росчерк, Игорь рефлекторно прижал голову к земле. Грохнуло, что-то противно провизжало над головой. Подняв глаза, он увидел, что «буханку» разорвало почти пополам и теперь она объята пламенем от кабины до задних дверей.

Стремительный самолет исчез так же быстро, как появился. Игорь только и успел бросить взгляд вслед, разглядев ауру винта, расположенного позади.

В такой машине человек если и поместится, то только лежа на боку и поджав колени к груди. Даже для серьезного вооружения места нет, бьет легкими ракетами, которых на-

до две штуки для гарантированного уничтожения небронированной машины.

Вроде бы у его страны нет на вооружении ударных беспилотников. Война началась? Агрессоры добрались до города? Если так, то они за ночь каким-то хитрым способом успели преодолеть не одну сотню километров от границы. А если учесть, что граница эта разделяла его государство со странами, где хороши дела с верблюдами, но с авиацией плохи, оккупантам, скорее всего, пришлось шагать не оттуда.

Зомби повсюду, живых вообще нет, ударные беспилотники атакуют машины на дорогах, а еще Светке так и не дозвонилось. Все чудесно...

А ведь идея! Можно ведь проломить голову какому-нибудь мертвяку, отжать мобилу, позвонить хоть куда-нибудь. Хотя есть обоснованные сомнения в том, что звонок осуществим. Помнятся вчерашние события: именно с тумана и отсутствия связи все и началось.

Полежал еще пару минут, не доверяя наступившей тишине. Со слухом просто беда, оглушило его конкретно, так что на уши надежды нет. Остается только зрение. Лежать, поглядывать, не вернется ли летающая рукотворная тварь.

Не вернулась.

Но кажущееся затишье не обмануло его бдительность. Расслабляться нельзя ни на миг, ведь вокруг полчища ходячих трупов и летающая смерть. Прикинув оптимальный маршрут, прополз метров тридцать по склону, поднялся,

прошмыгнул под мост, прижался там к холодному бетону, почти оглохшими ушами попытался выловить из колокольного гула хоть один угрожающий звук. Вроде ничего не происходит, значит, можно сделать еще один рывок. А дальше опять ползком по склону – и под следующий мост. Под ним посидеть, еще немного послушать – и отчаянный рывок к заправке.

Под козырьком, который защищал колонки от непогоды, остановился. Защита никудышная, зато бежать, если что, можно во все стороны.

Баран! Да одна ракета в удачное место, и здесь развернется раскаленный ад! Тут тебе и газ, и бензин нескольких видов, и дизельное топливо. Сам себя на фугас усадил и рад без памяти.

Должно быть, сильно приложило – зашибленная голова совсем не варит. К тому же жажда дикая, омерзительно подташнивает, в животе неприятная резь. Отбило что-то из трюхи? Если так, то дело совсем кисло, зеленкой такое не лечится.

Махнув на все рукой, открыл стеклянную дверь, зашел, огляделся. В магазинчике пусто и ни малейших следов разгрома. Оружие и связь тут, наверное, не найти, но ему сейчас нужно кое-что другое.

Электричества вроде бы не было, но вода в холодильнике остыть не успела. Он захлеб высосал литровую бутылку и хорошенько отпил от следующей. Не сказать, чтобы жизнь

резко полегчала, но хотя бы жажда осталась в прошлом.

А вот теперь пора грамотно оценить потери. Рваные брюки, левая коленка разодрана так, что смотреть страшно, правая тоже пострадала, но там не все так печально. Куртка тоже не выглядит как с витрины, как и рубашка под ней. В хлам разбиты локти, костяшки пальцев, досталось левому запястью, внушительные ссадины на скуле и подбородке, ну и прочие мелочи. Должно быть, все это заработал, пока катился по асфальту. Спасибо, что скорость в тот момент была небольшая.

Как смог, промыл раны, кое-где применил найденный здесь же пластырь. Завтра все это начнет дико болеть и ломить по-настоящему, но сейчас почти не мешает. Надо продолжать двигаться, оставаться в этой стекляшке, которую легко разнесет пара ракет, – не лучший вариант.

А куда идти? Куда-куда... Домой. Не так далеко осталось, пешком доберется. Родные стены все же. Хотя что ему с них? Там ведь не крепость, где можно отсидеться от орд мертвяков и беспилотников. И там его никто не ждет. Значит, прочь глупые мысли. Надо действовать без сентиментальности, с умом.

Что ему надо прежде всего? Правильно – выжить. Что стоит на втором месте? Информация – без нее невозможно долгосрочное планирование.

Начнем с первого – выживания.

Ему нужна еда, вода, медицинская помощь и защита от

враждебных факторов. На данный момент он насчитал две угрозы: со стороны превратившихся в кровожадных зомби людей и с небес. Также имеется информация о существовании еще одной опасности: медлительные мертвяки не могли оторвать дверцу машины, оставив на ней следы когтей. Они даже неспособны тебя догнать, если ты идешь быстрым шагом. Некоторые, правда, проявляют опасную прыть, но это лишь в тех случаях, когда дистанция сокращается до нескольких метров. Рывок их во всех случаях кратковременный, уже через секунду-другую они начинают брести с той же смехотворной скоростью.

Мертвяки, конечно, очень неприятно, но это не та угроза, которую следует опасаться в первую очередь. На открытой местности их можно вообще не брать в расчет.

А вот то, неведомое, небрежно отрывающее дверцы далеко не бумажных «уазиков», будто крылья бабочкам, пугало дико.

Надо найти оружие, желательно огнестрельное. А у него даже жалкой палки не осталось, так и сгорела в разгромленной «буханке».

И людей неплохо бы отыскать. Нормальных.

Вот только где же их искать...

Блин, что ж так плохо-то... Тошнит зверски, слабость накатывает, коленки дрожат. Похоже, голове крепко досталось. Сейчас бы к врачу, но где его теперь найдешь.

Вода есть, еда тоже имеется, хотя есть и неохота. Прихва-

тит с собой бутылку, потому как вот-вот опять вывернет наизнанку и вслед за этим возвратится нестерпимая жажда.

Приличное оружие в городе есть. Надо знать места.

Игорь знал.

Глава 4

Магазин не из маленьких, в два этажа. И разделен на несколько отделов, где можно приобрести различные товары, полезные для тех, кто любит с толком проводить время на природе. Рюкзаки и удочки, болотные сапоги и недешевые палатки, газовые плитки и надувные лодки. Но все вышеперечисленное добро Игоря не интересовало. Ему нужна только та часть, где торговали оружием. Там не только пневматика и травматика, там, пусть выбор и невелик, всякое лежало. С ружьем, заряженным пулями на крупную дичь, он будет готов встретить неведомую образину, отрывающую машинам двери на ходу.

Хотя, если самочувствие и дальше будет ухудшаться, очень скоро он просто не сумеет поднять оружие и как следует прицелиться. В таком случае придется срочно подыскать удобную лежку и хоть немного прийти в себя.

Но если с головой совсем беда, в себя он уже никогда не придет.

Вокруг магазина медленно слонялись десятки мертвяков. Игорь, наблюдая за ними со второго этажа коробки неспешно возводимого делового центра, заметил, что немалая их часть одета по-домашнему: не первой свежести халаты, треники, затасканные майки. В нормальном состоянии человек никогда не выйдет в таком виде из квартиры во двор. Зна-

чит, скорее всего, эта напасть случилась с ними среди родных стен. И уже потом они или сами сумели выбраться наружу, что свидетельствует о не такой уж полной их безмозглости, или кто-то выпустил. Например, разбегающиеся в ужасе родственники.

Вот только никого нормального Игорь пока что не встретил. Такое впечатление, что неведомое накрыло всех, кроме него.

Ломать голову над тем, что именно привлекло в этот нежилой район такое количество мертвяков, не пришлось. Ответ был очевиден – Игоря опередили. Некто неизвестный варварски разнес витрину магазина, не оставив ни стекол, ни решеток. Скорее всего, это действие происходило с немалым шумом и помпой, так что зомби не могли не заинтересоваться шумихой и стянулись сюда со всей округи. Самые первые, видимо, помешали грабителям, и те решили вопрос просто – на асфальте осталось несколько неподвижных тел. Даже с неблизкой позиции на недостроенном здании Игорь прекрасно видел темные пятна на коже, одежде и асфальте. Скорее всего, вытекшая из ран кровь, причем наблюдалась она почти исключительно в верхней части тел.

Кто-то тоже смотрел фильмы про зомби, раз старается бить исключительно в головы.

Один из мертвяков, до этого долго раскачивающийся на одном месте, сделал шаг, другой, присел над телом убитого, склонился, начал совершать характерные движения, напо-

нившие о том кошмарном мальчике в коттеджном поселке.

Ближайшие мертвяки резко оживились, потянулись к завтракающему собрату, начали присоединяться к омерзительной трапезе. Игорь уже отвел было взгляд, но заметил среди деревьев прилежавшего к магазину парка быстрое движение. Кто-то перемещался среди зарослей со скоростью, которую от мертвяков можно ожидать крайне редко и только при коротких рывках. Как ни вглядывался, детали рассмотреть не сумел. Просто неявный силуэт среди густой кленовой листвы.

Сидеть среди голых бетонных стен смысла нет. В магазине уже кто-то побывал и, скорее всего, поработал там серьезно. Осталось там что-нибудь? Не факт. Зато вокруг полным-полно мертвяков, и рядом в зарослях бродит что-то непонятно быстрое и, очень может быть, смертельно опасное.

Нет, в магазин он точно не сунется.

А куда тогда? Ближайший вариант – отделение полиции. Может, даже встретит там хоть кого-нибудь нормального, остатки управленческой пирамиды должны до последнего удерживать подобные места. Если и там ничего не срастется, будет думать над иными вариантами.

Подкинул на ладони кусок арматуры. Оружие так себе, но уже не пустые руки. Попытка разжиться топором с пожарного щита успехом не увенчалась, там, вопреки всем правилам, не оказалось столь полезного во многих случаях инструмен-

та.

Ну да ладно, еще успеет вооружиться, не может же ему вечно не везти.

То, что магазин разграблен, как ни странно, порадовало. Значит, во всем этом бедламе еще остался кто-то нормальный, кто мыслит такими же очевидными категориями. Им бы сейчас встретиться и объединиться – многие проблемы остались бы в прошлом.

Может, и встретятся.

* * *

Желанная встреча произошла тогда, когда Игорь не ожидал. Шел напрямую, через дворы, чтобы не маячить перед носом ходячих трупов на открытых со всех сторон улицах. Проскользнул в проход меж двумя пятиэтажками, оглянулся в одну сторону, в другую. Вроде никого быстрого и опасного нет, лишь те же едва передвигающиеся фигуры. Подобрался, рванул вперед, через широкий проспект. Надо как можно быстрее оказаться на той стороне, где он надежно укроется от недобрых взглядов. Ближайший мертвяк протянул руки, затем, попытавшись сделать рывок, неловко просеменил пару шагов, оступился, завалился набок. Похоже, счел, что на короткой дистанции он дико крут и стремителен, но сильно переоценил свои возможности. Игорь, пробегая мимо, беззлобно пнул его в пятую точку и помчался дальше.

А навстречу из такого же прохода меж домами выехала грязно-зеленая «буханка». Почти точная копия той, которую расстреляли с воздуха, но без бросающихся в глаза отличий не обошлось. Наверху устроен решетчатый багажник, почему-то ошетилившийся короткими острыми шипами, по бокам установлены решетки поскромнее, а перед всеми стеклами на арматурном каркасе закреплена сетка-рабица.

Машина резко остановилась, из дверей быстро посыпались люди. Четверо мужчин от двадцати до сорока лет. Одежды разношерстно, но добротно: кто-то в камуфляже, другие в джинсовых или кожаных куртках. На одном надет шлем велосипедиста, у второго – покрытая зелеными пятнами строительная каска, остальные вообще без головных уборов.

И все вооружены. Игорь разглядел два больших арбалета, двустволку и помповый дробовик со сложенным прикладом. Те, что прикинулись по-средневековому, не совсем изменили современности: у одного пистолетная кобура на боку, у второго там же несложное крепление для обреза.

– Опа! А ну стоять! – крикнул обладатель двустволки, приседая на колено и беря Игоря на прицел.

Остальные поступили схожим образом, разве что присели не все.

Игорь слегка поднял руки и спокойно, лениво цедя каждое слово, произнес:

– Так я вроде и не бегаю.

– Чьих будешь? Почему на нашей поляне? – строгим то-

ном спросил владелец помпового ружья. – Откуда ты вообще тут взялся такой красивый?

– Из дома.

– Ха! Из дома он! Да ты кто вообще?!

Один из незнакомцев опустил арбалет, миролюбиво произнес:

– Остынь, Бидон. Сам разве не видишь, это просто иммунный из свежих.

– Да вижу я, просто прикалываюсь. Ну разве такое смешное чучело с кем-то спутаешь. Эй, ты, пугало, где это тебя так покромсали? По граблям бегал?

– Могу показать, где это случилось, вас там только и ждут.

– Ха! Да он веселый! Что хорошее видел? Где тут хабар четкий? Знаешь деловые места?

– Да оставь ты его, – опять вмешался арбалетчик. – Кластер только-только вышел из перезагрузки, этот тип – свежеиспеченный, и его уже потрепать успели. Не соображает ничего, плывет. И не жилец.

– Ага. Тот еще везунчик.

– Представляешь, в каком он сейчас состоянии? Ничего не соображает, потому что понятия о таком не имеет, и голова варить совсем не хочет. От перезагрузки даже сутки не отмотало, мозги как не свои. Он тебе сейчас такого наговорит, что ты ночью спать не сможешь.

– Ага, помню себя таким, ох меня и штормило первые дни, такую пургу нес и чуть в петлю не полез сдуру. Ладно,

валим отсюда.

– А с этим что делать?

– А зачем он нам такой нужен? Кончить хочешь, что ли?

– И зачем мне это надо?!

– Да шучу я, шучу. Все знают – примета нехорошая. Он и без посторонней помощи помрет, уже на ладан дышит. У нас живчик почти на нуле, из-за тебя между прочим, а в этого потрепанного дохода надо чуть ли не литр залить, чтобы оклемался. Оно того не стоит, у нас своих дел полно.

Непонятные незнакомцы начали забираться в машину, и Игорь понял, что сейчас он останется один. Понимая, что нарываться на негативную реакцию при столь неравных раскладах сил не слишком умно, как можно спокойнее осведомился:

– Что тут вообще происходит? Сказать-то хоть можете или тоже жалко?

Арбалетчик, перед тем как садиться внутрь, помедлив, покачал головой:

– Нельзя. Не получится. Это история, которую за час не рассказать. Вали отсюда, парень. Быстро вали. И далеко. На запад вали, никуда не сворачивая.

– А что на западе?

– На западе есть хорошие места, там спокойнее. Там у тебя какие-то шансы будут. А здесь вообще никаких. Быстрый кластер после перезагрузки – та еще ловушка для свежинки вроде тебя. И как бы ни гнала нужда, не вздумай соваться в

другие стороны, там еще хуже. Бывай, удачи.

Дверца хлопнула, машина тронулась. Игорь опять остался один.

Глава 5

Райотдела не было. Как не было и прилегающих к нему кварталов. И кварталов, что должны тянуться за ним, тоже не было. И не было труб химкомбината, которые день и ночь дымили на северной окраине, внося посильный вклад в непростую экологическую ситуацию. Отсюда, с набережной, эти громадины прекрасно видно в любую погоду. Не целиком, конечно, но макушки всегда можно было разглядеть.

Город почему-то заканчивался здесь, на правом берегу реки. На левом нет ни закатанного в бетон спуска, ни дорожки, по которой так любят прогуливаться влюбленные парочки и мамы с маленькими детьми. Теперь там торчали какие-то унылые кусты, за которыми поднимается чахлый лесок; в просвете меж деревьями виднеется большой перекосившийся сарай, которому лет сто минимум, но при этом там его быть не должно.

Не было его. Никогда не было. Там уже давно стоят безликие кварталы панельных домов. Но если глаза не врут, все они куда-то исчезли.

Река тоже изменилась. Прежняя Текучка-Вонючка, как ее иронично называли горожане, стала заметно шире, и куда-то исчезли нескончаемые поля зловонных темных водорослей, что начиная с конца весны и до поздней осени плотно оккупировали правый берег почти на всем его протяжении. Вме-

сто них появилась рыба, чего здесь не случалось со времен Всемирного потопа. То там всплеснется, то там, а вон вообще всем плескам плеск: чуть ли не динозавр выскочил из глубин – истинный размер такого трофея сможет изобразить только очень длиннорукий рыбак.

Игорь обернулся назад. За его спиной город никуда не исчез – дома как стояли, так и стоят. Все целое, невредимое, только где-то далеко левее поднимается нездоровый дым. Скорее всего, что-то серьезное горит, а тушить некому, пожарники заняты поисками свежего мяса.

Развернулся в сторону реки. На другом берегу как не было продолжения города, так и нет. Все тот же древний сарай и несерьезный лесок.

Игорь принял бы все: радиоактивные руины, сплошное пожарище и даже забетонированное до самого горизонта пространство. Мало ли что успели сотворить с этой частью города неведомые агрессоры, превратившие жителей в ходячих мертвецов. Но к лесу, явно не только что посаженному, к дремучим кустам и ветхому сараю он готов не был. Все это не могли притащить сюда за одну ночь взамен похищенных домов, дорог и фабрик.

Или он совсем свихнулся, или происходит нечто настолько запредельное, в сравнении с чем нашествие зомби – не заслуживающая внимания ерунда.

Как же болит голова... просто нестерпимо. Ему доктор нужен, с ней явно что-то не то: не может она так раскалы-

ваться из-за легкого сотрясения мозга. Вдруг у него начались галлюцинации? Может, город на другом берегу никуда не исчез, но поврежденный мозг неспособен нарисовать правильную картинку?

Тогда многое легко объясняется.

Пытаясь укрываться за кустами и деревьями, Игорь прошел пару сотен метров вперед. Туда, где ранее находился мост. Он и сейчас был там же, но лишь частично. Пролет добрался до первой опоры, а далее его будто ножом срезало.

Гипотеза с галлюцинациями нуждалась в подтверждении, и он был вынужден смириться с тем, что надо выйти на открытое пространство. Добрался до конца обрубка моста, присел, тщательно ощупал свежий скол асфальта и обрезки железных конструкций. Все верно, осязание говорит о том же, что и глаза, – на другой берег здесь теперь не попасть.

Разве бывает, что врут одновременно два органа чувств? Вряд ли. Тогда это или правда, или редкостный по реалистичности бред. Не исключено, что ничего не было. Очень может быть, что он сейчас валяется возле разбитого в хлам «уазика» и ему все это мерещится.

Зомби, запускаемые непонятно кем ударные беспилотники, непостижимым способом украденная половина города – полный набор начинающего шизофреника.

Как и всякий порядочный псих, Игорь не спешил признавать собственное безумие. Он все еще цеплялся за какие-то планы, не переставая бороться с нестерпимым желанием все

бросить и залечь в какой-нибудь норе, где будет завывать от боли и пить воду, пытаясь заглушить дикую жажду, от которой лишь на время спасает поглощаемая литрами вода.

Про райотдел придется забыть, он сгинул в тартарары вместе с прилегающей частью города, где, между прочим, стоял дом Игоря. Требуется другая цель. Хотя о каком оружии может идти речь? В городе работают шайки мародеров, а он, едва ковыляя, вряд ли за ними угонится. Не так много здесь мест, где можно разжиться нормальным стволом, – все они наперечет, обчистить их недолго.

Значит, что ему остается? Запастись едой и водой, после чего где-нибудь залечь в надежде, что проблемы со здоровьем отступят сами собой.

Где наилучшие условия для такого времяпровождения? Если учесть, что много груза он на себе сейчас не утащит, потому как сам еле плетется, остается оптимальный вариант – забаррикадироваться в одном из продовольственных магазинов. И лучше не выбирать супермаркеты. Слишком заметно, слишком притягательно для мародеров, и вряд ли все они будут такими добрыми, как та четверка.

Плохо быть слабым и больным, когда все законы отменены.

И где именно остановиться? Магазинов много, а он не очень хорошо знаком с местными – не его район. Вроде как чуть выше по бульвару есть небольшой, но и не совсем уж крошечный. И не очень броский на вид: можно пройти ми-

мо, не обратив внимания. Нормальный вариант. Все равно искать дальше нет сил: он сдает с каждой минутой все сильнее и сильнее.

Решено.

* * *

До магазинчика Игорь не дошел. Он устало шагал вверх по круто спускавшемуся к реке бульвару, уже видел нужный дом и край вывески, но тут заметил, что слоняющиеся там и сям мертвяки, вместо того чтобы дружно оглядываться в его сторону, таращатся куда-то влево. А некоторые, бросив туда всего лишь один мутный взгляд, начинали со всей возможной скоростью удаляться в противоположном направлении.

Игорь посмотрел туда, куда и все смотрят. Зомби смотрят, и ему тоже интересно. Обернулся и увидел наконец того, кто, скорее всего, умеет открывать дверцы машин самым радикальным способом.

Мертвяк, каких он еще не встречал. Здоровенный детина, не ниже метра девяносто, плечи неестественно широкие, причем одно заметно больше другого, кожа дряблая, серая, под ней бугрятся несимметрично расположенные мышцы и уродливые канаты разветвленных сухожилий. Лоб покатый, чуть выше куస్తятся отдельные пучки редких волос, челюсти значительно шире, чем нужно, взгляд исподлобья, и в нем нет безжизненности. Но и ничего человеческого тоже нет —

так может смотреть взбесившейся зверь. И никакой одежды, ни клочка. Голое грязное тело.

Чертовски сильное и быстрое на вид тело. И лопаты огромных ладоней, где на кончиках пальцев разрослись или очень массивные ногти, или что-то куда хуже.

Крепкие когти.

Оставалась мизерная надежда, что эта чудовищная пародия на человека так же неуклюжа, как и простые мертвяки. Игорь медленно шагнул назад. Затем еще раз. Еще.

Монстр сорвался с места выпущенным из рогатки камнем. Даже в лучшие свои дни Игорь не смог бы показать такой результат, а уж сейчас, когда даже идти небыстрым шагом было трудно, нечего и мечтать оторваться от такого преследователя. Но он не стал стоять на месте в ожидании знакомства с когтями, быстро развернулся, напрягая остатки сил, помчался в противоположную сторону, вслед за медлительными зомби, которые первые догадались туда податься.

Не успеет. Никак не успеет. Бульвар широкий, за ним тянутся дома, возле ближайших его и нагонят. Шансов нет вообще. Разве что вон, в машину забраться. Дверца открыта, на асфальте подозрительные темные пятна. Малолитражка жалкая, так себе укрытие, но другого нет.

Влетая в салон, Игорь обернулся, увидев, что монстр настигает его с проворством бросившегося на мышку кота. Успел рвануть дверцу на себя, и та захлопнулась с таким грохотом, что, будь сейчас хозяин рядом, начал бы костерить

неуклюжего пассажира на все лады.

Тварь не стала ломиться тем же путем, что и Игорь. Одним прыжком влетела на крышу, тут же заколотила по ней с такой силой, что тонкий лист начал прогибаться, вздувая бугры на обшивке. Жалобно звякнули боковые стекла, когтистые лапы покрепче ухватились за верх дверей, потянули так, что машина дико закричала, в стойках начало что-то трещать, корпус быстро деформировался, выдуваясь пузырями.

Игорь отчетливо понял – через несколько секунд несчастная малолитражка не выдержит такого издевательства. Крыша попросту оторвется, и единственный пассажир окажется под открытым небом.

Коробка со сладким тортом получится.

Открытая коробка.

Сжав покрепче жалкий кусок арматуры, он ждал. Ждал того неизбежного момента, когда придется принимать бой с кошмарной тварью.

Надолго этот бой не затянется...

Малолитражка оказалась не такой уж никчемной, как показалось поначалу. Стекла вылетели все до единого, крышу выгнуло по краям, но она еще цеплялась за стойки кузова, будто купол парашюта за стропы.

А потом жесть сдалась под напором крепких когтей, взрезающих ее, будто фольгу. Тварь ухватила за край разрыва, потянула, расширяя, подрезала по бокам и резким рывком

вскрыла машину, будто консервную банку, на дне которой залежался лакомый кусочек.

Игорь завалился на опущенную до минимума спинку сиденья, размахнулся арматурой, показывая, что совсем уж даром жизнь не отдаст. Монстр, балансируя на остатках в хлам разодранной крыши, не торопился приступать к трапезе. Замер, заурчал плотоядно. Похоже, примеривается, как бы половчее пристроиться к добыче. Для такой туши внизу места маловато.

Послышался звук шлепка помидора, запущенного с девятого этажа на асфальтированный тротуар. Левый глаз твари вылетел из глазницы, повис на коротком кровавом стебельке. Испустив тяжелый вздох, омерзительная туша начала заваливаться на Игоря. Тот почти успел перебраться на водительское место, но вот ноги запутались, помешал рычаг переключения передач. На колени навалилась такая тяжесть, что он чуть не заорал.

На этом все закончилось. Никто его не рвал зубами и когтями, монстр вел себя смирно, свернувшись в калач на пассажирской стороне. При этом в небеса уставилась антенна хвостовика короткой металлической стрелы, торчавшей из его непомерно мясистого затылка.

По машине кто-то постучал и беззаботным хитроватым голосом поинтересовался:

– Есть кто живой?

– Допустим, – ответил Игорь, пытаясь высвободить ноги,

застрывшие под телом монстра.

– Я так и подумал, что транспорт не пустует. Иначе с чего бы это лотерейщику так сильно захотелось в него забраться. Ленивые они, просто так когтем о коготь не ударят. Ты кто такой будешь?

Сомнений в том, что спрашивают вовсе не имя, не было.

– Точно не знаю, но некоторые называли меня иммунным.

– Так все мы тут такие. Другие – не из разговорчивых.

– Ну, я, наверное, из свежих. Так тоже говорили.

– Вот ведь бедолага. Из свежих, а сразу на матерого жрача нарвался. Не везет так не везет... Выбирайся, не поедет никуда эта машинка. Ей ремонт нужен. А лучше выбросить, уж очень плохо выглядит.

– Я бы вылез, да эта туша ноги придавила.

– Толкай ее, двигай. Я помогу. Только арматурку свою отложи. Я человек мирный, всякое насилие вызывает у меня отвращение. И даже намек на него мне очень не нравится.

В этот момент Игорь наконец освободил ноги. Покоренная дверца будто только этого и дожидалась, до последнего терпя давление его навалившегося тела. Со скрежетом рухнула на асфальт, а следом упал Игорь, чувствительно приложившись головой. Сознание не потерял, но слегка поплыл, ему и так было хреново, а удар усугубил недомогание. Когда пришел в себя, то обнаружил, что над ним стоит невысокий коренастый мужичок лет сорока: в затасканной камуфляжной куртке; в чистых и с виду новых джинсах; голова

прикрыта черной бейсболкой, козырек которой удерживает солнцезащитные очки; в руках – здоровенный арбалет; из-за плеча торчит нечто очень похожее на рукоять топора.

Лицо у незнакомца было простое, открытое, располагающее к себе, но одновременно хитроватое. И улыбка такая же.

– Вижу, ты и без меня с ногами управился. Это хорошо, лишнюю работу никто не любит. Ну и как самочувствие, свежачок?

– Хоть в морг клади.

– Ну, это понятно. Я к тому, что сам идти сможешь или требуются платные услуги носильщиков?

– Платные?

– Для новеньких у меня гибкая система скидок, не разорю.

– Далеко идти?

– Куда-нибудь с открытого места. Нельзя нам тут долго маячить, а то мало ли кто заявится.

– Тут магазин рядом. Мне бы попить, а там водичка есть.

– Попьешь, чего же не попить. Где магазин-то?

– Вон там. – Игорь указал рукой.

– Ну ты посиди маленько, в себя приди, а я сейчас ценное добро прихвачу, нечего им разбрасываться.

Закинув арбалет за спину, мужичок снял с пояса цельно-металлический топорик, вздохнул печально и полез в машину. Послышались звуки, которые можно услышать, проходя по тем рыночным рядам, где торгуют мясом. Пока длилась

эта непонятная возня, Игорь крутил головой, наблюдая за мертвяками. Странное дело, но они, вместо того чтобы окружить машину смыкающимся кольцом, не обращали на нее внимания. Разве что некоторые шли издали с очевидным намерением полакомиться свежей человечины, но на подходах останавливались и, разворачиваясь, торопились удалиться.

Незнакомец выбрался из машины, поудобнее поправил средних размеров рюкзак на спине, снял с пояса металлический крюк, стукнул им по чему-то, находящемуся в машине, развернулся, с довольной ухмылкой показав насаженную на железяку голову жуткой твари:

– Ну вот и готово, теперь можно сходить по магазинам. Поднимайся.

– Зачем тебе эта гадость?! – Игорь скривился. – Брось ее!

– Но-но! Я тебе дам ценным добром разбрасываться! Пошли, не надо носом крутить, я ведь не просто так голову прихватил, она нам пригодится.

Спорить бессмысленно, да и какое Игорю дело до того, что кто-то таскается с отрубленной головой? Может, в этом сумасшедшем месте это модно, откуда ему знать.

Любитель отрубленных голов шел впереди, насвистывая какую-то незатейливую мелодию, а Игорь плелся за ним, борясь с дурнотой и головокружением.

И с мыслями о том, что все эти недомогания неспроста. Он, похоже, постепенно превращается в безмозглого

мертвяка. И что самое паршивое, ему сейчас так хреново, что эта кошмарная мысль вообще не пугает.

Глава 6

Мужичок придвинул к двери стол, на котором покупатели не так давно раскладывали покупки по сумкам, задорно пояснив:

– Пустыши поголовно тупые, они дернут за дверь, а потом так и будут стоять, таращиться через стекла. Не умеют открывать, если возникла хоть какая-то сложность. Удобно очень. Хотя они и так не полезут, у нас тут голова лотерейщика, для них этот запах – что ладан для черта.

– Так вот ты зачем ее прихватил...

– Врать не буду, не только ради этого, но вообще-то ты прав, ведь это лучший способ заставить мелюзгу держаться подальше. Лотерейщику надо много еды, вот и кушает тех, кто послабее. Они хоть и тупые, но понимают это прекрасно, пугаются одного запаха. Тебе водичку с газом или без?

– Без.

– Держи.

– Благодарю.

– Это мне тебя благодарить надо.

– За что?

– Так пока тебя лотерейщик из той банки на колесах выковыривал, он по сторонам особо не смотрел. Туповат, увлекается очень – это у него не отнять. Вот и увлекся он тобой, как только что откинувшийся зэк увлекается веселой разве-

денкой. Ну а я за тобой уже приглядывал до этого, интересовался. Увидел такое дело, ну и подумал, что нечего добру пропадать. Подошел тихонечко, прицелился надежно... Ну а дальше ты сам знаешь, рассказывать не буду. В общем, выручил, теперь я твой должник.

– Принимаю оплату таблетками от головной боли.

– Головка бо-бо? Так у свежих бывает. Еще и тошнит, да?

– Выворачивает...

– Беречь себя надо в первые дни, а ты весь какой-то потасканный, в тряпье драном. Хотя по манерам и физиономии вроде из приличной публики. На кого хоть нарвался? Кто тебя так разукрасил?

– Сперва авария, застрял из-за нее вечером за городом. Потом чуть под машину не попал, с моста свалился, головой приложился. А утром машину мою ракетами сожгли, чуть не убили.

– Во как.

– Хочешь верь, хочешь не верь, но это был ударный беспилотник.

– А выглядел он как?

– Как летающий крест с мотором сзади. Ракеты не очень серьезные, две на «уазик-буханку» ушло.

– Где видел его? – насторожился незнакомец.

– На развязке южной.

– Это где центровая дорога через «А-четыре»? – резко расслабился мужичок.

– Не знаю я никакую «А-четыре».

– Ну да, откуда тебе знать. Значит, ты и в аварию попал, и с моста головой вперед улетел, и «мессер» тебя бомбил, и лотерейщик чуть-чуть не успел порвать, и весь этот список случился за неполный день. В роду, случайно, утопленников не было? Уж больно ты везучий.

– Ага... я тот еще счастливчик...

– На вот, хлебни.

– Вода?

– Это лучше, уж поверь.

Игорь взял протянутую фляжку, отвинтил пробку, понюхал, скривился:

– Что за гадость?

– Гадость? Ха! Смешной ты чудак. Живчик это, живун мой личный, по особому рецепту делаю, у других такой не увидишь. Пей давай, это куда лучше любых таблеток. И вообще, забывай уже о разной химии, теперь у тебя другая жизнь настанет, без лекарств и клистира.

Игорь скривился еще сильнее, но все же припал к горлышку. Голова болела так, что словами не передать. Казалось, что она раздувается воздушным шаром и вот-вот разлетится кровавыми обрывками.

– Ну и как тебе на вкус мой божественный нектар?

Игорь помедлил с ответом, борясь с комком, который норовил выскочить из брюха не первой за этот день порцией рвотной массы.

– Ну, чего молчишь? Восторг от вкуса дивного свел судорогой потрясенные уста?

– Ты из чего его варишь? Из своих шесть лет не стиранных носков?

– Надо же какой умница, в самую точку попал с первой попытки. Уважаю таких догадливых.

– Ну, догадаться было несложно...

– А как теперь твоя бедная головушка? Трещит, будто в одно рыло выдул стратегические запасы самогона немаленькой деревни? Все так же бо-бо? Или уже не совсем так?

Странно, но голова и правда перестала раздуваться. И вроде даже нестерпимая боль стремительно отступает. И порция блевотины резко передумала выбираться наружу. Даже слух улучшаться начал за счет того, что колокольный набат заметно притих.

– Ну и почему же ты опять замолчал? Признай уже, что в моих нестираных носках сила великая спрятана, а не только пот засохший.

– Такое я не признаю даже под всеми китайскими пытками.

– Ты кто вообще будешь? Обращаться к тебе как?

– Игорь я.

– Игорь?! – Мужичок скривился так, будто неспелых лимонов переел. – Ты это, забудь про Игорьков и всяких там Сереж. Совсем забудь.

– А что не так в моем имени?

– Тут только у баб имена, да и то на новые поменянные. В какую ни плюнь, так на морду Зинка-Машка, но зовите меня Элизабет или Анжелиной. У таких, как мы с тобой, честные погоняла. Ты никому вот так при встрече не представляйся. Мне-то все равно, я не из моральных уродов, но есть такие, которые последним чмом выставят. Особенно если будешь в таком рванье из себя делового изображать. Чушкарям убогим нигде уважения нет, а если они Игорьки или там Антоши какие-нибудь, так могут обноски отнять и бабский сарафан взамен подарить. А то и под хвост сунут, случаются у нас любители из простых Василиев Василис Прекрасных делать. Да не грузись ты, тут тебе не зона и не крытка, тут Стикс, а у него свои понятия – просто жаргон местами похож. Простая публика, и слова у нее тоже простые. Чем занимался до того, как в Улей угодил?

– Улей? Ты еще скажи, что мы с тобой пчелы.

– Ты в Улье, Стиксом это не очень-то принято называть. И вообще, поменьше такие темы поднимай. Слово «Улей» любому легко запомнить.

– Я запомнил.

– Ну так что делал там, до Улья? Чем жил? Прозвище было?

– На буровых я работал.

– Буровик, стало быть?

– Геофизик. Каротажник.

– Кто?! При мне так никогда не матерись, я человек веж-

ливый, не одобряю. Не похож ты на буровика, физиономия слишком ухоженная, слащавая, а работягам попроще надо быть. Рост какой?

– Метр семьдесят девять.

– Не мелкий, но и не сказать чтобы здоровый. Может, лосем тебя назвать? Будешь казаться солиднее. Нормально?

Игорь отхлебнул еще один глоток неведомой гадости, поморщился, покачал головой:

– Лось – рогатый. Я не женат, но планирую когда-нибудь, так что не надо.

– Вряд ли ты успеешь тут жениться, но мыслишь правильно, погоняло с подвохом. Значит, у нас теперь аж три варианта вырисовываются: буровик – можно так и величать, ну или будешь просто Бур, похоже ведь; а геофизик – значит... Нет, лучше давай все, что на «ге» начинается, сразу отставлять. Не нужно тебе тут такое погоняло, уж поверь моему нескромному жизненному опыту, – извратят до «гея» при первом удобном случае, хрен потом что докажешь, а толерантность здесь не в чести, страдать придется. Каротажник – слово нехорошее, длинное, и это получается... О! Будешь Карат, сократилось четко. Вроде ничего так звучит. Сойдет?

Игорь лишь рукой махнул.

– Э! Ты брось такую легкость мыслей показывать! Тут у нас какое-никакое, а все-таки крещение. Ты теперь Карат, пока не помрешь, что, увы, случится, скорее всего, в ближайшее время, а я с этих пор твой крестный папаня. Все осо-

знал, дорогой крестник?

– Что это за гадость ты мне дал? От нее и правда легчает. Наркота?

– Я что, на торчка похож? Тут тебе не Колумбия, четкая наркота дорогая, просто так не угостят. Ты еще хлебни пару глотков и паузу сделай, посиди тихонько. Станешь как новенький, правда, не моментально. А меня просто Шустом кличут. Шустрилой был сперва, обидно, да, но со временем четко обрезалось. Первое имя не спрашивай и свое тоже забудь, даже в приличных стабах не вспоминай. Я людей сразу определяю, не из тех ты, кому надо за старое имя цепляться. Выбрось прямо сейчас из головы. Ты Карат навсегда, крестник Шуста, вот и закрыли тему.

– У меня вопросы есть. По поводу происходящего.

– Валяй.

– Шуст, во что я вообще вляпался?

– В говно.

– Ну, это я и без тебя понял. Мне бы поконкретнее.

– Уж прости, но я в сортах говна невеликий специалист. Ты вляпался с головой в это самое, и тут нечего добавить.

– Вопрос не в этом.

– Ты, Карат, попал в Улей. Эй! Не части! Живчик – тот еще яд, если не думая лакать, его помаленьку надо, и не чистить.

– Что за Улей?

– Всякий Улей, Карат, должен состоять из сот. Ну, это я

именно про наш Улей – в пчелиных есть и прочие детали. Та сота, на которой мы с тобой сейчас торчим, вчера вечером пошла на перезагрузку. Там, у себя, в доме своем родном, ты оказался на соте, которая загрузилась сюда вместо нее. Вот так и попадают в Улей. Все понял?

– Почти.

– Это в том смысле, что ничего не понял?

– Верно.

– Ну, я не очень-то объяснять мастак, обычно никто не понимает.

– А ты попробуй объяснить проще.

– Без толку сейчас объяснять. Ты под откат попал, плюс свежий, да еще покоцало тебя приключениями разнообразными. Голова болит и варит совсем плохо, то есть соображаешь худо. И такая беда может продлиться несколько дней, а случается – и недель. Могут даже провалы в памяти произойти, или будет забываться не самое важное из свежего и несвежего. Ты главное запомни: домой ты теперь никогда не вернешься. Нет туда дороги. Значит, старое вообще забудь и первым делом начинай с имени, это тебе наилучший совет, ты еще не раз благодарить за него будешь, если сумеешь пережить первый день. Лучше без штанов ходи, чем без нового имени.

– Да понял я, понял. Буду Каратом.

– Все соты тут принято называть слегка заумно: кластеры. Мы на свежем кластере, тут провалившийся народ вроде те-

бя. Вокруг может найтись ценное барахло, на которое еще никто не наложил руки. Но такая благодать вечно не длится, в свежие места быстро набегают охотники за хабаром вроде меня. Матерые зараженные всех мастей такой праздник тоже не пропускают, стягиваются откуда можно. Тут всегда есть кого сожрать, а если и не найдется иммунный, они и свежего пустыша слопают за милую душу.

– Что значит иммунный?

– Это такие, как я и ты. Те, кто не превращается в пустышей вскоре после попадания в Улей.

– Пустышей?

– Низшие зараженные. Полностью бесполезные, это начальная стадия. Мало кто из них дальше вырастает, и это меня радует.

– Зараженными ты называешь зомби? – Игорь, или теперь уже Карат, указал на стекло витрины, за которым можно было разглядеть бульвар и медленно бредущих по нему мертвяков.

– Не надо их так называть, это никакие не зомби, это зараженные. У них сердца колотятся, они дышат, кровь течет, прибить можно не только пулей в башку, мозги у тебя не выпрашивают. Если тебя покусает, ты этому не будешь рад, но и в такого, как они, превращаться не станешь.

– Хоть это радует...

– Ага. Я тоже сначала дергался, больше всего боялся, что цапнут. Это потом умные люди объяснили, успокоили насчет

заразности ходячих. Все, кто оказывается тут без респиратора или противогаза, быстро становятся такими.

– Кроме иммунных.

– Вот! Соображаешь правильно. Хлебни еще чуток, уже можно. Тебе надо как следует зарядиться. Ты тоже заражен, но пустышом не станешь. Просто околеешь, если надолго останешься без живуна. Мы должны весь остаток жизни его лакать.

– Нерадостные перспективы...

– Да это мой такой ядреный, простецкий. Есть и ничего на вкус. Народ на коньяке его бодряжит, с корицей или мускатом, химичит чего-то, и чуть ли не лимонад получается. Но как по мне, все это порнография с постыдными извращениями. Правильные ребята должны лакать его именно в таком вот четком виде. – Шуст указал на фляжку.

– От твоего на рвоту тянет.

Шуст хохотнул:

– Ага, многие жалуются. Ты еще не знаешь, из чего его готовят, то-то будет культурный шок.

– Неужели я угадал с носками?

– Не совсем. Сейчас покажу, приготовься к чудным зрелищам.

Ухватившись за крюк, Шуст потянул к себе отрубленную голову твари, перевернул ее лицом вниз, указал на затылок:

– Видишь этот нарост, на половинку головки чеснока похожий?

– Как его не увидишь, если он чуть ли не весь затылок занимает.

– Приглядишься, кожа тут ороговелая, ножом ее не взять, режется только тут, по вогнутым линиям, это как между зубчиками чеснока.

Вытащив из ножен на поясе нож с коротким широким клинком, Шуст продолжил непонятную и неприятную лекцию:

– Это называется споровый мешок. У пустышей его вообще нет, ведь они свежие, только-только заразились, – не успел еще вырасти. Но если им хватает еды, они меняются. Паразит, или что там в них засело, начинает растить вот такую штуку. Это у них вроде органа размножения, хотя высоконаучные дебаты по этому поводу не утихают, так что полного согласия у разных умников нет. В развитых споровых мешках со временем появляются споровики или просто спораны. Вот посмотри.

Шуст ловко надрезал нарост с нескольких сторон, развел разъединенные дольки в стороны, подсек парочку изнутри, откинул. Открылась небольшая полость, заполненная массой, более всего напоминающей свалывшуюся грязную паутину. Такая же невесомая и легко рвется. Вывалив все содержимое на ладонь, Шуст его раскатал и отделил три некрупных серо-зеленых предмета, похожих на почти круглые виноградины, и желтоватый шарик размером с крупную горошину.

– Опачки! Лотерейщик не подкачал, мы выиграли!

– Ты о чем?

Шуст постучал кончиком ножа по мертвой голове.

– Вообще-то этого милого парнишку многие называют просто жрач. Он уже куда опаснее начинающих тварей, хотя, как и все, вырастает из везучего пустыша. Местами его принято величать лотерейщиком. Спораны и с ребятишек послабее можно брать, но он первый в перечне тварей, с которых при удаче можно поднять горох. Шанс невелик, но он есть. Так что нам с тобой подфартило. – Шуст покрутил перед носом Карата найденным шариком.

Тот пожал плечами:

– Что в нем особенного? На вид будто сахар прессованный.

– Ага, так и есть, не зря его некоторые сахарком обзывают. Хорошо хранится сам по себе, а вот спораны надо чуток высушить, потом можно годами хранить, и ничего им не будет. Заверну их вот так в ватку, и в кисет потом, пусть всю влагу там оставят. Горох сушить не надо, он воду вообще не впитывает и не растворяется в ней. Горох – самый простой и почти всегда единственно доступный способ развиваться. Ну, это я о себе и тебе говорю. Пустыши быстро растут, друг друга подъедая, модифицируются, в бегунов превращаются, потом в жрачей, и так до жемчужников могут добраться. Это уже элита их гнилого племени. А мы не такие, как они, мы – иммунные, разум и память сохранившие, и облик челове-

ский тоже при нас остается. Но это не значит, что мы вообще не меняемся. Еще как меняемся, и каждый по-разному. В нас проявляется то, чего до этого не было – новые таланты. И эти новые таланты растить надо, лелеять, сами собой, как у зараженных, они развиваться не будут. И вскармливать их надо не мясом человеческим, а вот таким горохом.

– Жрать это?!

– Не, в таком виде это яд чистый, даже не думай. В уксусе можно растворить, он сразу пузыриться начинает, а как пузыри пройдут, надо сразу соды сыпануть и процедить через марлю. Ну а потом давай, потребляй, это пойло не должно долго залеживаться.

– Да я такое за деньги пить не стану.

– А куда ты денешься, Карат? Это не западло, это можно и нужно в рот брать, так что не ломайся. И вообще, ты спорсы потребляешь так, что за уши не оттащишь, а от честного гороха нос воротишь. Нехорошо это, странно как-то и неправильно.

– Это какой такой спорс я потребляю?

– А такой, из которого мой животворящий живчик делается.

– Не понял?..

– Ну, с этими виноградинами та же технология, что и с горохом. Не такая же, но похожая. Да стой ты, уйми брюхо, не вздумай тут наблевать. Поначалу всем противно, но забудь: нет там ни гадости, ни вони какой дурной, даже микробов

не найдешь. Стерильно. Считай, что это всего лишь настойка из гриба.

– Да в гробу я видал такие грибы!

– Есть мнение, одно из многих, что в зараженных вырастает грибница. Ну, в смысле не белый гриб, или там опять с рыжиками, а какой-то их дальний родственник. Тогда получается, что споровики – плодовые тела этой грибницы. Но мнение спорное, гипотез в этом вопросе столько, что не сосчитать. Ты самое главное и важное усвой: иммунные время от времени должны пить живчик, без него им хана и точка.

Карат, с трудом сумев обуздать дурноту, уточнил:

– А если не пить?

– Тебе живчик помог сейчас?

– Чувствую себя почти новым.

– Без него тебе бы становилось все хуже и хуже. Потом начинается стадия ломки, как у конченных наркош. Ты бы слег и валялся в луже своей мочи, завывая волком дурным, пока на шум не появился какой-нибудь ушастый лотерейщик. Ну а даже если никто по твою душу не заявится, все равно долго не протянуть. Верная смерть нам без этой гадости.

– А нет другого рецепта? Без этих виноградин.

– Какого? Споросы можно добывать только из зараженных, на березах они не растут. От тварей нам одни беды, но и без них, получается, не выжить.

– Постой... я что-то не понимаю. Откуда вообще у вас все это взялось? То есть все это...

– Неужто до тебя начал доходить свет истины?

– Я ни разу не слышал, чтобы какой-нибудь город прова-
лился в тартарары со всеми жителями. А тут, у вас, судя по
твоим словам, это дело налаженное.

– Улей, дружище Карат, очень непростое место. Потол-
каешься немного и быстро все поймешь. Не забивай голо-
ву лишним раньше времени, оно тебе не надо сейчас. Ну
так вот: потроха споровых мешков нам нужнее хлеба, важ-
нее всего. Вот что нужно в первую очередь человеку? Вода и
еда, а уж потом все прочее. С водой, как ты сам понимаешь,
недостатка нет. Поговорим о еде, ты ведь не против?

– Я слушаю.

– При любой перезагрузке сюда столько всякой жратвы
падает, что только успевай собирать. Вон посмотри на полки
этого магазина. И представь, сколько здесь, в одном класте-
ре, таких магазинов. Представил? А таких кластеров столь-
ко, что даже приблизительно никто сказать не может. То есть
голод нам не страшен. Делать дела на продуктах из-за это-
го изобилия невозможно, разве что где-нибудь нароешь па-
ру-тройку ящиков деликатесов. Сойдет свежая паюсная ик-
ра, гурманы у нас еще не перевелись. А чем за нее платить
тому, кто нарыл товар? Рубли и доллары здесь только на рас-
топку годятся. Нужен компактный и всем нужный эквива-
лент.

– Хочешь сказать, что споровики у вас вместо денег?

– А ничего у тебя голова, иногда успешно варит. Видно,

в себя приходишь, скоро втянешься в наши дела. Да, Карат, эти виноградины у нас – главная валюта. Универсальная. Всем всегда необходимы, спрос устойчивый, размеры и прочее всегда одинаковые, подделок не бывает. Это тебе не какие-нибудь бумажки с водяными знаками, которые ничем не обеспечены, – у споровов обеспечение круче не придумать. Жизнью они обеспечены, нашей жизнью.

– Эта гадость всегда зрелая? Одного размера?

– Сам удивляюсь, но так оно и есть. Расхождения мелкие, только на точных весах можно определить, никто к такому не придирается. Они, похоже, в какой-то момент вырастают в споровом мешке за очень короткое время. Или даже мгновенно появляются. С горохом и прочим все так же само.

– Но горох реже?

– Ага. И в мелких тварях, которые только начали развиваться, его вообще не бывает. В общем, с этого лотерейщика мы неплохо подогрелись. Если у тебя все пучком, одного спорана хватает на неделю плюс-минус пару дней. Но если заболеешь чем плохим, пусть и болеют тут редко, или покалечишься, как вот ты, – надо пить часто и много, хоть и не сильно усердствуя. Регенерацию и прочее живчик так подстегивает, что пулевое ранение зарастает через пару дней, будто и не было его. Ну, это если не задело чего из важного. Мы с тобой, Карат, теперь те еще мутанты. И не просто мутанты, а мутанты-паразиты. Паразитируем на зараженных. Чего кривишься? Радуйся, что нам мясо человеческое

не нужно, или чего похуже. Легко мы с тобой отделались, получается, людьми остались, пусть и странными. К живчику ты быстро привыкнешь, забудешь, как морщился. Все мы такими были поначалу. Ну так чего? Благодарен ты мне хоть чуток за лечение и слова умные?

– Весьма благодарен.

– Ну так окажи любезность, просвети меня, мародера бесовестного, чем в вашем околотке разжиться можно без излишнего напряжения сил и смертельного риска?

– Что именно тебе надо?

– Хабар путевый.

– А поконкретнее сформулировать можно?

– Ну... где хранятся большими кучами горох и спораны ты, само собой, знать не можешь. Да и не бывает таких счастливых сказок. В первую очередь интересуют боеприпасы для огнестрельного оружия. То есть разные патроны. Порох, капсули и гильзы тоже заставляют чаще биться мое ранимое сердце. Не подскажешь, где всем этим можно полюбоваться всласть?

– Есть магазин, хороший, но его, по-моему, уже вынесли. Разворотили весь фасад, я даже не стал туда заглядывать.

– Кто вынес?

– Не знаю, крутились там неподалеку какие-то типы на «буханке». Но вряд ли они, там из четырех двое с арбалетами, а в магазине и гладкоствольное, и нарезное было, несколько десятков стволов, они бы такое сразу себе взяли.

– Богатый магазин, аж слюна потекла. А что за типы? Как отзывались, на кого похожи?

– Да одеты по-разному, не представлялись. Долго мы не общались, они поняли, что я им неинтересен, и укатили.

– Говоришь, двое с арбалетами?

– Да. Один с двустволкой, еще один с помповиком.

– Бенелька?

– Что?

– Я говорю, двустволка фирмы «Бенелли»?

– Откуда я знаю? Не до разглядываний было.

– Ну да, и ракурс небось не тот.

– Верно. Со стороны дульного среза клеймо производителя не ставят.

– Я догадался.

– Они на меня сперва наехали не пойми за что. Дескать, я влез на их поляну. О! Вспомнил! Одного Бидоном называли.

– Кто?! Бидон на тебя наехал?! – Шуст соорил изумленную физиономию. – Да он по жизни первый в очереди на опускание. Его школьники обиженным выставляют, у него на рассвет солнца очко играет, тоже мне еще, нашелся повелитель пингвинов. Что этот лучший друг козлов там искал? Свою утерянную дырявую ложку? Да его поляна – метр вокруг параша, а дальше петухам вход по пропускам. Магазин не он вынес, там кто-то деловой сработал, знал куда и как. Стая петушина, где Бидон наиглавнейший главпетух, только издали могла на такое угощение облизываться. Хо-

тя с кластерами вроде этого раз на раз не приходится, тут уж как повезет. Удавка под боком, ничего загадывать нельзя, непредсказуемо все. Еще где-нибудь что-нибудь имеется? Ты не стесняйся, рассказывай уже давай, за полезные слова я благодарить умею.

– Я тоже стволом хотел разжиться. В магазине не срослось, пошел сюда. Там, дальше, за рекой, райотдел был. И дом мой тоже там. Но теперь там ни города, ничего...

– Понимаю. И река не та, что раньше была.

– Все верно. Я там прожил почти три года. Не попал домой вчера, дорога подвела.

– Не повезло. Успей ты до перезагрузки, ничего бы не случилось. С тобой не случилось.

– Это как?

– Дом твой не попал сюда. Там кластер другой начинается, твой район не затрагивает. Сидел бы на диване и знать не знал, что мимо такой беды проскочил.

– Не совсем понял.

– Ячейка, сота, кластер: понимаешь? Место, где мы с тобой, никак не связано с тем, что за рекой. Там другой кластер и другое загружается всегда, и отношения к твоему городу местность на этом кластере вообще не имеет. Не видел разве?

– С берега смотрел.

– Пустой кластер, города там нет, только деревеньки бедные. Кварталы городские только на этом берегу. Есть в них

еще что-нибудь вроде такого магазина?

– Не припомню. Это ведь заречье, город в основном на другом берегу стоял, там места побогаче.

– Забудь, не будет уже никакой другой стороны. Не увидишь ты свой дом никогда, для него в Улье не нашлось места. И ты теперь Карат, и точка. Не помог ты мне ничем, плохо это...

– Ну я патроны не рожая, уж извини.

– Еще не вечер, вдруг ксерщиком вырастешь.

– Кем?

– Забудь. Тебе сейчас лишним грузиться не надо. Мда... Ладно, тут сидеть нет никакого резона. Маленько подогрелись от лотерейщика, но надо бы хоть что-нибудь еще прихватить. Нехорошо пустыми уходить из свежего кластера, примета нехорошая, хоть что-нибудь прихватывать надо.

– Черной икрой мы тут вряд ли разживемся. Магазинов здесь хватает, но этот район знаю плохо. Тут лучшая аптека города рядом, может, у вас лекарства какие-нибудь ценятся?

– Дохлая тема, Карат. Иммунные почти не болеют.

– То есть нас никакая зараза не берет?

– Паразит, которым тут заражаются все, кто дышит не через фильтры, почти всех превращает в зверей, но с некоторыми сосуществует мирно. Ты в кино видел, чтобы зомби болели воспалением легких? Я – нет. Тут, как в кино, тоже не болеют. И мы в этом от них не отличаемся, то, что в нас сидит, не терпит конкуренции.

– Уничтожает всех бацилл?

– Даже больше: почти от всего спасает. Мы тут не от рака и тромбовдохнем, а от когтей, зубов и пуль. Так что самые популярные медикаменты – бинты и жгуты. Сам понимаешь, этого добра везде полно, особо на нем не наторгуешь. Обезболивающее – неплохая тема, но это не такая уж редкость, ценится недорого. В общем, аптека – не вариант.

– Тогда я пас. Не знаю, что еще предложить.

– А ты подумай. Говорю же: уходить из свежего кластера с пустыми руками – плохая примета. Хоть гвоздь ржавый, но прихватить обязан. Не знаешь случайно, нет ли где свежих записей с телевидения? Ну, можно и не свежих, сойдут любые.

– Телецентр нужен, что ли?

– Зачем сразу телецентр? Вдруг у тебя сосед записывал «Дом-2» годами, или еще какую-нибудь фигню для одноклассников.

– Зачем тебе это?

– Народ как бы любит телевизор смотреть. Ну, то есть запускать такие записи и тарашиться. Кто-то родных вспоминает, кто-то диван родной. В общем, хватает любителей, спрос на такое хороший. Тут же сам не запишешь: нет ни Интернета, ни телесигнала.

– Не было у меня таких соседей.

– Может, хоть киоск с порнухой есть поблизости?

– С чем?!

– Ты что, вылутился из детского сада и сразу к нам подался? Ну порнушка, порнография, бабы голые и разнообразные дела с ними.

– Да знаю я, что это, просто ты меня слегка огорошил. Шуст, у нас тут тихий и приличный город, таких киосков не знаю. Это в секс-шопы надо, а он вроде бы всего один был и остался на той стороне.

– Любители лысого погонять могут отвалить маленько и за свежий «Плейбой» и прочую легкую эротику. Тема вечная, спрос устойчивый, качественные новинки в чести. Найдется тут такое?

– Ну... такое, может, и найдется. Это выше надо, к перекрестку, где трамваи ходят.

– Тогда ходу отсюда. Затаримся тематической литературой для узкого круга ценителей и начнем сваливать из города. Потом на моей карте покажешь и нарисуешь, где искать магазин со стволами. Это на будущее, вдруг еще когда-нибудь попаду сюда на перезагрузку. Давай, води к этим трамваям.

Глава 7

Шуст по городу не ходил, а передвигался. Перебежками или пригнувшись, скрываясь за любым намеком на прикрытие. Местами замирал, прислушивался к чему-то, осматривался, подолгу вглядываясь в одну точку. Бывало, доставал при этом маленький бинокль, но обычно обходился глазами.

Карат начал понимать, что до этого ему крупно везло. Он ведь только под конец начал изображать что-то похожее на игру в прятки. Да и то без заметных успехов. А тут, похоже, столько разных опасностей, что беспечные долго не живут.

В одном месте Шуст долго таращился из-за угла, затем шепнул:

– За мной.

Карат послушался, и вскоре они забрались в подъезд жилого дома. Благо электричества не было, укрепленные входные двери оказались открытыми.

– Что мы здесь делаем, Шуст?

– Пока ничего, но сейчас начнем сидеть на ступеньках.

– От кого прячемся?

– Кусач там. Горошник в смысле.

– Вроде лотерейщика?

– Чуток похуже.

– В смысле опаснее?

– А ты сходи сравни.

– Да я и на слово поверю. В нем тоже эта дрянь есть?

– Что за дрянь?

– Ну там горох, спораны.

– Это не дрянь, а то, что нам больше всего в этой жизни надо, запомни уже, дубинушка. Из зрелого кусача при удаче можно вытащить до пяти споранов. И горошины у него встречаются в несколько раз чаще, чем у лотерейщика. Хотя бы пару штук таких тварей свалишь, и на одну-две можешь железно рассчитывать.

– А почему ты его и кусачом, и горошником называешь?

– Тут, Карат, все просто, но для новичка запутанно. Зараженный развивается, меняется внешне, при желании можно десятки названий придумать для каждого этапа. Только зачем нам такой геморрой? Свежие зараженные всегда пустые, споранов в них нет, потому их называют просто – пустыши. Ну а ползун, медляк, прыгун – уже для разновидностей, но можно их не запоминать, – если скажешь «пустыш», всем все и так ясно. Далее идут твари побогаче, они – основной источник споранов. Потому называются соответственно – споровики. Самый слабый и распространенный из них – бегун. Споровый мешок у него есть, но спораны в нем попадают нечасто. Лотерейщик и топтун – высшие споровики. В них можно найти горошину, правда, нечасто. Далее из них вырастают горошники. По названию понятно, что они – наш основной источник гороха. В них он есть всегда или почти всегда. Вот кусач как раз из начальных горошников. Не са-

мый опасный, рубер в сто раз круче, но одна горошина в нем есть почти всегда, а если повезет, так и три-четыре можно вытащить. Легко запомнить: пустыши, споровики, горошники. Дальше идет элита, жемчужники, они уже никак не разделяются, в этом смысла нет.

– Горошины дорого стоят?

– А сам не догадался? Ну конечно, дорого.

– Сколько за них можно купить, допустим, патронов к «калашу»?

– В разных стабах по-разному.

– Ну, в среднем.

– Ну, полмагазина реально взять даже у самого жадного барыги.

– То есть штук пятнадцать?

– Где-то чуть меньше, где-то больше.

– Берешь карабин под такой патрон и отстреливаешь этих тварей в голову, забирая добычу. Даже если полный мазила и по пять-десять на тушу будет уходить, все равно расходы окупятся. Плюс с них тебе останутся спораны, а они, как я понял, ваши главные деньги. Вот сколько ты выручишь за журналы?

– Почти нисколько. Я так понял, ты ведешь разговор к запланированному вопросу? То есть хочешь узнать, почему я балуюсь низкопробной литературой вместо того, чтобы валить кусачей и прочих горошников направо и налево?

– Да, именно это я и хотел узнать. Только не совсем. У

тебя же нет автомата или карабина, а с арбалетом надо подходить слишком близко.

– Автомат можно найти за смешные деньги или даже вообще бесплатно. Вот патроны да – проблема. И вообще, ты не прав.

– В чем не прав?

– В том, что охота будет беззаботной и прибыльной даже для мазины.

– Поясни.

– У зараженных нюх и слух получше зрения работают, так что на выстрел они сбегутся со всего города. Если пустыши на него не слишком быстро реагируют, то для серьезных это все равно что будильник, напоминающий о времени обедать. Не успеешь ты разделать подстреленного, как они налетят на тебя со всех сторон. Быстро кончить даже простого пустыша можно лишь серьезной дыркой в голове или хребте. А твари из крутых могут игнорировать даже пальбу из пулемета, у них живучесть запредельная, природная броня, плюс хитрость и скорость реакции. Так что охотиться на них можно, но только осторожно, и ни в коем случае не в тех городах, где только-только перезагрузился кластер. Лакомое место, туда быстро вся округа сбегается.

– А если группой работать? Как Бидон?

– Бидон приехал, урвал, что плохо лежит, и свалил бегом. Несерьезно, да и все равно нарвется он, долго такие не шикуют.

– А если серьезную группу собрать?

– Бывают и такие. И даже неплохо бабла поднимают. Но потом на радостный перестук их пулемета приходит не пара топтунов, а крутой элитник-жемчужник, и при нем еще пара матерых руберов свиты. И охота становится совершенно другой, с концом сильно печальным для охотников.

– Весело тут у вас.

– Ага, скучать ты не будешь, это точно. И есть еще один момент экономического характера. Лотерейщик – споровик, горохом он небогат. Надо штук пятнадцать завалить ради одной горошины. С высшими споровиками ситуация побогаче раза в два, но все равно этого маловато. Ради гороха надо валить именно горошников, а они куда круче, успокаивать их непросто. Мазилам при такой охоте вообще делать нечего, переведут гору патронов – не окупится. И горошники настолько крутыми бывают, что неизвестно, кто на кого охотиться будет. Плюс они при элите часто отираются, а там вообще мрак беспросветный. Без танка на таких тварей не всякий рискнет выйти. Ладно, пошли.

– А он уже убрался?

– Ага.

– Как ты можешь это знать, ведь отсюда не видно?

– Так он пустыша кушал. Это у них бывает, когда совсем уж голодно становится. Перехватил пару кусков и пошел искать кого повкуснее, нет смысла ему там надолго задерживаться. Если встретился недоеденный жмур, то это почти на-

верняка зараженный. Иммунных обглаживают до последней косточки.

– Ты, я вижу, хорошо их повадки знаешь.

– Я тут топчу кластеры уже побольше года, а по неофициальной статистике, девяносто процентов иммунных не доживают до седьмого дня. То есть даже неделя – солидный срок. Кушают ничего не понимающих новичков с задорным хрустом, стреляют, режут, в общем, своей смертью умереть не получается. Только не очень-то надейся, что я тебя через этот короткий срок на своем горбу перетащу. Мы тут альтруизмом не страдаем, если припечет, брошу тебя, даже не извинившись из вежливости своей врожденной.

– Учту.

* * *

Шуст поспешно набивал в рюкзак журналы, скупно комментируя процесс мародерства:

– Этот сойдет. А это вообще не то, тут какие-то навороченные тачки, яхты, бабенок мало и все в платьях. Вот кому в таком затрапезном городке нужен журнал про яхты и дорогие машины? Но раз продают, значит, спрос есть. Ни этот мир умом не понять, ни тот, где мы раньше жили. А тут самка крокодила на обложке, но вдруг найдется любитель. А тут...

– Там вроде пробежал кто-то. На человека похож.

– Где?!

– Да там, дальше по проспекту. Возле закругления.

– Далековато. Точно человек был?

– Ну точно не лотерейщик: одежда на месте, телосложение нормальное.

– Может, кто-то из пустышей успел до бегуна отожраться.

Кластер быстрый, тут все быстро происходит.

– Бегуны опасные?

– Не очень, они на вид что простые пустыши, просто быстрее гораздо. Но силы дурной у них хватает, бороться с ними не стоит, а у сильно развитых ногти утолщаются, может неплохо ими порвать.

– Они чем больше едят, тем сильнее меняются?

– Ага. Кому повезет, тот до элитника со временем добьется. Вот они твари так твари. Но доживают до такого единицы. Еды им много надо, в основном друг дружку харчат, по-другому не получится отожраться. Ведь иммунных слишком мало, в самых богатых случаях один на две-три сотни, за счет них не поднимешься особо. Коровы на фермах, свиньи и прочая домашняя животи́на куда больше им дают. Хотя со свиньями тоже всякое случается, особенно если дикие кабаны.

– В смысле?

– Плотоядные и всеядные животные тоже могут заражаться. Не знаю, какой процент там иммунных и как они выживают, но пустышей полно среди собак, волков и медведей. Я

раз даже тигра видел. Неподалеку отсюда зоопарк в одном кластере раз за разом попадает, так что не удивляйся, если встретишь какую-нибудь экзотику.

– Это как раз за разом?

– А очень просто. Ты же недавно спрашивал, почему там, где тебя звали не Каратом, никто никогда не видел, чтобы кусок города пропал со всем законно прописанным населением. Это, Карат, потому, что имеет место быть мультиверсум¹. А еще, очень может быть, мы не те, какими были раньше, а их бледные копии. Отсюда и пошло поверье, что нельзя за имя старое держаться, фарт оттянется к твоему двойнику. О! Ух ты! Вот это зачетные дойки! Смотри по сторонам, надо еще такие экземпляры поискать. За эдакое богатство точно отвалят нехило, и уже к вечеру все страницы будут слипшимися.

– Мультиверсум, это ведь из фантастики.

– О! Да ты у нас, получается, грамотей. Знаешь такие редкие слова – похвально. Тут многие до самой смерти о мультиверсуме и не подозревают, кое-кто при этом даже успевает пожить неплохо. Лишние знания – лишние печали. Вот посмотри сюда. Видишь, какие у этой шикарной бабенки молочные железы? Вот представь, что есть такой же мир, как

¹ Мультиверсум – мироздание в целом как совокупность миров, одним из которых является вселенная (универсум), в которой мы обитаем. То есть существует гипотетическое множество всех возможных реально существующих параллельных вселенных (включая ту, в которой мы находимся), и большинство из них отличаются от нашей столь ничтожно, что мы не сможем заметить разницу.

и твой, и в нем имеется такой же киоск. Все там одинаково, куда ни плюнь. И на обложке этого журнала там изображена бабенка с такой же смазливой мордашкой, но дойки у нее хоть и сочные, но на один размер поменьше. А в другом мире размерчик будет уже побольше, хоть по мне это уже излишество. В третьем найдется такой же, но трусы уже не белые, а черные. И так далее – миллион самых разных вариаций можно придумать только с одной обложкой этого журнала. А ты глянь, сколько здесь разной прессы для взрослых. И дальше выгляни за пределы киоска. Только сильно не высовывайся, потому как хоть твари больше на слух и нюх надеются, но глаза у них никто не отменял.

– Я знаю, что такое мультиверсум. Можешь не объяснять так подробно.

– Значит, вернусь к началу вопроса. Итак, в мире, где стоит тот зоопарк, случилась перезагрузка кластера, и зверей перенесло сюда вместе с клетками и загонами. Спустя какое-то время в другом мире, где все отличие в таком вот журнале, опять случилась беда с зоопарком. Твой город, Карат, точнее эта его часть, попадала сюда уже столько раз, что никто не скажет. Почти все быстро превращаются в любителей человечины, охотно кушают друг дружку и с повышенной радостью гоняются за такими, как мы. Кушают друг дружку, растут, кушают друг дружку, опять растут. Почти все проходят через пищевод. В итоге остается несколько крутых тварей и почти нет мелочи. Проходит неделя, месяц или полго-

да, и все повторяется. Вот так мы тут и живем, наблюдая перезагрузки и всеобщее поедание раз за разом.

– А если во время перезагрузки подождать здесь? Не вернешься назад?

– Нет. Здесь останешься и под откат попадешь.

– Это плохо?

– Плохо, Карат, очень плохо. Помереть можно или дураком остаться. В общем, хорошего ничего не будет. Все, уходим, хабар – штука хорошая, но меру надо знать.

– Ты без машины, потому что шума боишься?

– Ты тоже бояться научишься, если жить хочешь. Смелые тут до года не дотягивают, учти. Давай через дворы махнем, там обзор похуже, не будем всем глаза мозолить.

– За этим кварталом парк. Деревьев мало, проредили недавно, мы там окажемся как на ладони, если в ту сторону пойдем.

– Ну ладно, ты тут местный, тебе виднее. Веди сам.

– Ты не сказал, куда вести.

– К реке, где мы встретились. Только не к тому месту, а чуть дальше вверх. Один мост обрезанный будет, потом второй, а потом высокое красное здание, вроде шпиля там наверху. Вот туда мне и надо, но чтобы не по берегу, а другим путем. В Улье по своим следам не возвращаются.

– Нюх тварей?

– Он самый. Плюс хитрость такая, что я им иной раз завидую до горьких слез. Ну и примета плохая. Мы тут все по-

головно суеверные, привыкай.

* * *

Шуст выстрелил. Болт пробороздил висок мертвяка и, улетев дальше, звонко ударился о железобетонную стену.

— Да чтоб тебя! — Выругавшись, спутник отбросил арбалет и азартно выдохнул: — Давай, врукопашную сходишь, Карат, он тебе ничего не сделает, это просто бегун начинающий! Уйми его! Пусть займется тобой. Он тупой!

Мертвяк не отличался от всех прочих ничем, кроме скорости. Бегал не как рекордсмен, но неплохо. Причем, зараза, проигнорировал Шуста, с громким урчанием бросившись на Карата. Тот, успев ухватить его за кисть вытянутой руки, уклонился, уводя тело мимо себя, рванул резко, но завалить упирающегося противника не смог. Тот напрочь игнорировал нешуточную боль и не обращал ни малейшего внимания на треск в выворачиваемой конечности. Как ни в чем не бывало продолжал урчать и отчаянно пытался извернуться, клацая от нетерпения зубами. Действовал бестолково, но с такой необузданной силой, что удерживать его было невероятно трудно.

То, что эта тварь была девушкой изящного телосложения, еще не растерявшей миловидность, добавляло ситуации элемент нереальности. Пару таких пигалиц он должен одной рукой удерживать.

– Шуст! Делай уже что-нибудь!

– Что делать? Я думал, что у вас тут любовь с жаркими объятиями. К групповушке меня склоняешь?

– Она меня сожрет сейчас!

– Да не ори ты, никто тебя не сожрет. Это просто споровик-бегун, зубы у него обычные, хрен он что-то серьезное от тебя откусит, только пожует и слюнями отмочит. Переживешь как-нибудь, не маленький, от такого не помирают. Вот так придержи его, а я сейчас...

Топорик тюкнул в правый висок, тело задергалось, Карат чудом его удержал. После второго удара мертвяк резко обмяк и замер неподвижной куклой. Шуст тут же присел возле него и задрал волосы на затылке, открыв скромную опухоль, слабо похожую на ту, что была у твари, едва не прикончившей Карата.

– Тьфу ты! Совсем зеленый, гад! То есть гадина.

– И что?

– А то, что споровый мешок только-только отрастать начал. Можно даже не резать, пустой он. Похоже, эта барышня из тех, кто вместе с тобой сюда попал. Одежда не свалялась еще и почти не заляпана последствиями кровавых трапез. Перспективная дамочка, за неполный день из пустышей до бегуна доросла. Оборвали ей карьеру. Быстрый кластер, в таких это обычное дело.

– Если что говоришь, так говори так, чтобы и я понимал.

– Прости, Карат, все забываю, что ты здесь первый день.

Пустьшами здесь называют свежих зараженных, я уже объяснял. Вон все те, кто вокруг бродят, – из таких. Споровых мешков у них нет, сами они вообще неопасные. Правда, когда дорастают до джамперов-прыгунов, могут удивить. Такие способны сделать быстрый рывок на несколько шагов, но дальше не бегают.

– Я встречал таких.

– Если их не прикончат и еды будет хватать, они вырастают в споровиков. Обычно на это дни уходят, но эта, – Шуст указал на тело, – куда проворнее управилась, бегуном стала. Он пусть и хреновый, но все же споровик.

– Почему хреновый?

– Выхлопа споросов почти нет, мешок обычно пустой. Но все равно уже споровик и обычно развивается куда медленнее, чем эта. В быстро перезагружающихся кластерах твари быстрее развиваются, такое многие подмечали. Пошли, ничего мы с нее не возьмем, споросы за день не появляются.

– Тот, которого ты тогда распотрошил, был споровиком? – спросил Карат уже на ходу.

– Лотерейщик?

– Ну да.

– Ага, из них, далеко не самый последний.

– Он совсем не похож на эту девку.

– Ну так он уже развитый споровик, облик начал терять человеческий, зубы меняет на новые, такими живое мясо рвать самое то. Бывает умора, когда беззубый лотерейщик

попадает. То есть старые уже сбросил, а новые еще не вылезли. Дальше у него пятки каменеют, в топтуна превращается, а те беззубыми уже никогда не бывают, опасные сволочи. Если услышишь стук их пяток, замри и не отсвечивай.

– Это самые опасные споровики?

– Ага, среди споровиков круче нет. Ну а если всех брать, то детсад, есть куда покруче ребятишки. Споровики дальше могут вырастать в горошников, вот те твари так твари. На человека уже мало похожи, скорее на гориллу лысую. Кожа меняется, броня растет.

– Броня?

– Ну, сперва участки крепкой кожи появляются, ее пластины костенеют, они вдоль хребта образуются и на голове. Из арбалета очень трудно пробить. А у самых крутых с броней даже не всякая пуля совладает. Очень быстрые, живучие, прикончить сложно, хитрющие, часто держатся парами и тройками, случается, что объединяются в стаи и устраивают набеги. Немало нашего брата от них полегло.

– Они самые опасные?

– За ними элита идет – жемчужники. Элитников много самых разных, их никак по названиям не различают. Если видишь что-то пострашнее самого крутого горошника, значит, перед тобой элитник, и точка. И очень часто это последнее, что ты увидишь в своей недлинной жизни. Хорошо, что не так много их, иначе нам бы совсем кисло приходилось.

– А за элитниками кто идет?

– Вот ведь неугомонный, у меня уже язык устал по сто раз одно и то же талдычить.

– Элитники – самые последние?

– Из зараженных да. Но есть кое-кто куда похуже, вообще не имеющий отношения к зараженным. Но о нем не принято упоминать на кластерах, примета самая нехорошая, так что меняй тему. И... это... магазин с одеждой есть по пути? Тебе тряпье надо сменить.

– Не помню я здесь такого магазина. Да мы пришли уже, вон река, а вон мост твой.

– Плохо. На другом берегу кластер старый и бедный, выбор одежды там будет невелик. Но не будем разворачиваться из-за тряпья, перетерпишь немного, а то примета плохая.

– Что-то ты становишься очень суеверным.

– А я всегда таким был и даже не скрывал. Ты, Карат, если заживешься на этом свете, тоже суеверным станешь. В Улье других не бывает. Ходу прибавь, на открытое место выйдем.

– Не понял...

– Что ты опять не понял?

– Это не наш мост.

– Чего это он не ваш?

– Наш мост совсем не таким был, я его хорошо помню.

– А, вот ты о чем. Ну да, не ваш он. В смысле не городской. И река, и мост от другого кластера, он как раз здесь и начинается. Вон на мост глянь: конец надломлен, наклонил-

ся, уперся в верхний срез набережной. Вот по трещине этой и проходит граница между кластерами.

– Странно. Как раз на дорогу выходит, тютелька в тютельку. Можно проехать, не сворачивая, – как специально одно к другому приставили.

– Тут почти всегда так. Дороги, реки и прочее протягиваются от кластера к кластеру без разрывов. Точнее, разрывы случаются, но редко. И купленные в магазинах карты тебе не помогут, потому что показывают только то, что расположено в их кластере. В соседних все обычно по-другому, но многие пограничные детали будут совпадать. Вот у вас река была – и тут тоже река течет. Только всех прочих мостов в том кластере не было, вот и остались огрызки от ваших. Если загрузится кластер измененный, могут появиться и другие мосты, и они почти всегда будут совпадать с этими. Тут у нас будто в пазлы кто-то играет, старается, чтобы все сходилось идеально.

– В том кластере вообще города нет?

– Деревни, дачные поселки, карьеры какие-то, заводик небольшой поблизости.

– Карьеры и у нас в тех краях были.

– Ну я же и говорю, совпадения почти всегда найти можно. Но полного никогда не будет. Родной у тебя только тот кластер, из которого мы сейчас выходим. Да и то до следующей перезагрузки, а дальше или такой же будет, или с какими-нибудь отличиями. Такое случается. И это еще ладно,

бывает такое, что на трезвую голову не поверишь. Допустим, встречаешь сам себя.

– То есть не себя, а двойника, который прилетел из другой реальности при перезагрузке?

– Быстро ты сообразил, повезло мне на догадливого крестника.

– Догадаться несложно.

– Вот прилетит такой же город, и там будет такой же Карат. Только, скорее всего, поболтать ты с ним не сможешь, потому как он будет урчать и пытаться тебя сожрать.

– Неужели такое и правда бывало?

– Бывало. Еще как бывало. В Улье и не такое случается. Давай ходу прибавь, мы на этом мосту всему городу глаза мозолим. Свежий кластер что магнит – серьезных тварей отовсюду притягивает. Не хватало еще нарваться на дедушку твоего лотерейщика.

Глава 8

Местность Карат не узнавал совершенно, а ведь с окрестностями города знаком неплохо. Примерно здесь должны были начаться лесные массивы, но ничего подобного не было. Хотя деревьев и хватало, обширных зарослей не наблюдалось. И этого отвала пустой породы он не помнил, как и непонятного заводика возле него. Пара обветшалых цехов, неприглядные бетонные стены, одинокая кирпичная труба и несколько машин на асфальтированном пятачке стоянки, устроенной слева от распахнутых настежь ворот.

Шуст лишь в редких случаях выходил на открытые места и здесь тоже не стал себе изменять. Сперва крались по кустам, что разрослись у подножия отвала, далее вдоль стены до ворот, потом по металлической лестнице поднялись на крышу одного из цехов. Многоопытный спутник мотивировал этот поступок желанием как следует осмотреться с высоты. И отнесся к этому делу серьезно: присел за грибком вентиляции, достал бинокль, долго крутил головой во все стороны, присматриваясь к чему-то подозрительному.

Карат, сидя возле него, тоже посматривал, но ничего угрожающего не заметил. В этой местности даже медленно бредущие мертвяки, которые в городе являлись привычной деталью пейзажа, отсутствовали. Насколько он понял, этот кластер перезагрузился уже давно: прошло несколько недель

или даже месяцев. Здесь и тогда вряд ли было много народа, а уж потом кластер и вовсе опустел.

Он уже начал кое-что понимать, хотя вопросов все еще было больше, чем ответов. Так уж принято в этом мире, что люди во всех видах прежде всего – еда. Шуст обмолвился, что у зараженных на первом месте по пищевой привлекательности идут неизменившиеся животные, далее следуют иммунные люди и уже потом себе подобные и падаль. Если нет деликатесов, сильные твари питаются слабыми, тем самым быстро снижая изначально приличное поголовье.

Существование мертвяков завязано исключительно на интересах утробы. Опытные зараженные знают, что именно в свежем кластере легче всего находить вкусную еду. После перезагрузки они стягиваются на привлекательную территорию со всех сторон. Иммунным там тоже интересно, ведь первые посетители могут сорвать неплохой куш в виде ценных по местным меркам предметов. В итоге там возникает та еще толкучка, причем очень небезопасная.

В старом кластере все это осталось в прошлом. Низших зараженных почти всех слопали развитые собратья, а кто-то и сам помер от затянувшейся бескормицы или меткого удара топором. Те, кому повезло дорасти до опасных форм, разбрелись по другим, куда более привлекательным местам. Большую часть ценностей собрали искатели удачи вроде Шуста и группы Бидона – эта территория теперь иммунным неинтересна.

Тихое и мирное место, но расслабляться все равно не стоит. В Улье никогда не знаешь, что тебя ждет за углом. Многоопытный Шуст не стал бы тратить тучу времени ради пустого рассматривания осенних пейзажей. Он знает, что делает.

Осенних?! Но ведь...

– Шуст, на дворе лето, а тут желтые деревья попадают.

– Здешние кластеры все летние, но этот уже давно тут, листва отмирает, она не может вечно зеленеть, что-то с ней происходит. Обычно такие изменения к перезагрузке.

– Он прямо сейчас может перезагрузиться?

– Вряд ли. Соседние кластеры не грузятся один за другим, между ними всегда приличный перерыв есть. Может, три дня, может, неделя, а может, месяц. Ты ничего не заметил?

– Все тихо. Только вороны над отвалом летают.

– И правда тихо, даже пустышей не видно.

– Сам говорил, что кластер старый, их давно уже нет.

– Мелочь вроде споровиков везде встречается, не бывает так, чтобы их вообще не было. Правда, есть один вариант, когда такое может случиться. Это перед самой перезагрузкой, когда все твари разбегаются из кластера, они не любят под откат попадать.

– Тварей нет, листва желтеет, может, вот-вот перезагрузится?

– Тумана не видать, а в низинах он за несколько часов до

перезагрузки появляется. Да и потрескивать начинает, будто где-то короткое замыкание случилось. Только нет никакого короткого замыкания, сам воздух трещит. Так что вряд ли дело в этом.

– Может, все ушли в город? Он недалеко, а ты сам говорил, что тварям в свежем кластере будто медом намазано.

– Кто хотел, тот еще с ночи ушел, твоя правда. Или, может, их тут совсем мало было, да и те вымерли от голодухи.

– Ну да, жилых домов здесь вообще нет, только этот завод.

– Все равно не нравится мне это. Неправильное здесь что-то, и не пойму что. При таких делах стремно дальше выдвигаться, там открытое место, его никак не обойти.

– Шуст, а куда мы вообще идем?

– В стаб нам надо. Тебя отведу, заодно свои дела сделаю.

– Стаб?

– Я разве тебе не рассказывал?

– Вроде нет. Это город, деревня? Что это вообще?

– Ну... тут такое дело... Кластеры разными бывают. Обычно, если услышал такое слово, речь идет о перезагружающемся простом кластере вроде этого или твоего. Но бывают и другие. Вот стаб – совсем другой. Стаб – это стабильный кластер. Он не перезагружается.

– Вообще никогда?

– Или так, или делает это так редко, что ты до этого все равно не доживешь, так что тебе без разницы. За счет больших стабов мы выживаем. Там можно устраивать базы, ко-

торые не пропадут при перезагрузке, твой тайник там тоже сохранится. В крупных стабах обустривают поселения, где можно продать хабар и купить нужное, получить лечение, просто посидеть ничего не боясь. Ведь надо где-то дух переводить, не можем мы все время жить в таком напряжении. Но сидеть там все время не получится, или получится, но не у всех. Зараженные не очень-то любят стабы, там ведь перезагрузками не пахнет. То есть сами туда толпами не являются. А иммунным нужны спораны, без них мы быстро загибаемся. Так что кому-то надо их добывать, а заниматься этим, торча в стабе, не получится. Хотя случается и такое. Некоторые умники ловят тварей, запирают в загоны, подкармливают, ждут, когда спораны появятся. Но это хлопотно и не так уж выгодно, потому что в неволе зараженные развиваются плохо, выхлоп споранов с них очень невелик, гороха при этом вообще слезы, не говоря уже о прочем. И урожай дают лишь раз, при повреждении спорового мешка зараженный не выживает, это их самое слабое место. Потому у иммунных основная профессия – охотники за потрохами, или, говоря на языке Улья, трейсеры. Вообще-то всех, кто по той или иной причине выходит из стаба, можно отнести к охотникам, потому как возможность разжиться споранами или горохом никто не упустит.

– И далеко отсюда до стаба?

– До ближайшего рукой подать. Но он нам не нужен.

– Почему?

– Да это тройник простой. Ну, то есть совсем мелкий стаб, который возникает в месте, где сходятся границы трех приличных кластеров. Тройники редко бывают больше километра по площади, там особо не разгуляешься, поселения там очень нечасто устраивают, и приличные никогда. Так, одна-две берлоги, где честному бродяге нечего делать, или пара схронов. И это не здесь. А на западе и такую мелочь могут заселить. Здесь слишком опасные места, постоянно никто не живет. Ладно, пора спускаться на землю грешную, ничего мы отсюда не высмотрим, а вот заметить нас – плевое дело. Там за цехом щит пожарный, топор сейчас прихватишь. В Улье без оружия даже сопливые дети не ходят, с чего-то тебе начинать надо. Топор – очень даже неплохое начало. Грамотное. Надежно вырубает, и тихий. Тебе он понравится.

* * *

Возле пожарного щита обнаружилась неприятная находка. Человеческие останки – скелет с отдельными клочьями дурно выглядевшей плоти, одежда разодранная, заскорузлая. Шуст даже внимания на эту картину не обратил, а вот Карат, изучив костяк, спросил:

– Почему на него вороны не садятся?

– Зачем им кости без мяса? Они не какие-нибудь некрофилы.

– Тут еще есть что поклевать, а они даже не подлетают,

так и кружатся над отвалом.

– Там небось повкуснее вещи имеются. В Улье дохлого добра навалом, не обращай внимания, быстро привыкнешь.

Топор был тяжелым и с неудобной рукоятью. Но лучше такой, чем встречать очередного бегуна голыми руками. У неразвитых тварей нет ни когтей, ни опасного челюстного аппарата, но, как успел убедиться Карат, силы в них хоть отбавляй.

За ближайшем углом обнаружилось еще одно тело, на этот раз серьезно растерзанное: кости разбросаны в радиусе нескольких метров. Шуст, резко насторожившись, тихо произнес:

– Два жмура рядом, это не очень хорошо. Сами собой в Улье толпами не мрут, помог им кто-то, и, очень может быть, серьезный, так что гляди в оба.

Карат и без того не бродил рот раззявив, а сейчас еще больше подобрался. Спутник не просто так сошел с маршрута, забравшись на крышу, он явно что-то чуял. И, по его словам, бестолковые разини в Улье долго не живут. Сколько здесь пробыл Шуст, Карат точно не знал, но если верить отдельным обмолвкам, понятно, что далеко не первый день. Следовательно, опыт у мужика есть, так что его предчувствие не на ровном месте проявилось: что-то подозрительное приметил, и вряд ли все дело лишь в отсутствии примитивных видов зараженных.

Или он о чем-то умолчал, или сам не знает, как это сло-

вами высказать.

– Ходу, Карат. Место совсем открытое, надо быстрее добраться вон до тех деревьев. Там дальше лесополоса удобная вдоль дороги, сможем укрыться.

До рощицы, на которую указывал Шуст, идти было около километра. До сих пор столь приличные дистанции по открытой местности они ни разу не пересекали. Но тут с укрытиями все настолько плохо, что прочие варианты продолжения маршрута еще хуже. Надо или делать рывок прямо здесь, или устраивать долгий отход с неясными перспективами.

Опытный спутник выбрал первый вариант.

До спасительных деревьев оставалось метров триста, когда Шуст, в очередной раз обернувшись, обреченно вздохнул и севшим голосом произнес:

– Ну все, Карат, нарвались мы с тобой по полной. Вот кто здешнюю мелочь на харчи перевел.

Развернувшись, Карат уставился в сторону завода и успел увидеть, как крупная тварь ловко спрыгнула с высокого бетонного забора и, низко пригнувшись, быстро побежала в их сторону.

Карат поудобнее перехватил рукоять топора, процедил:

– Попробуй в башку попасть, а я добыю.

Шуст покачал головой:

– Даже не думай. Тут другие игры. Это тебе не бегун чахлый, а рубер не из самых последних. Он почти не похож на человека, дальше него идет только элита. Такой арбалет ему

до лампочки, хрен те пластины пробыет. Ты об него топор сломаешь, а он даже не почешется.

– И что делать будем?

– Тут мы, Карат, расставаться будем.

– Не понял?

– Что непонятно? Тебе придется умирать, а мне бежать. Уж прости, но составлять тебе компанию в таком вопросе не стану.

Карат криво улыбнулся:

– Мне кажется, что бегаю я получше тебя. Но этот все равно догонит, мне до него далеко.

– Меня не зря Шустом назвали, это ведь от Шустрого. Умение у меня полезное для таких случаев, и я его по возможности горохом подкармливаю. Но знаешь... Карат, ты мой крестник, так что я должен дать тебе шанс. Маленький, но шанс. Сперва побегу так, что он увяжется за мной. Но это ненадолго, я потом прибавлю, оторвусь, он поймет, что ловить вообще нечего, и вернется. Но несколько минут у тебя будет.

– И толку от нескольких минут?

– Не знаю. Используй их, не трать на глупости, может, что и выгорит. Ладно, удачи тебе, Карат. Мне пора уходить.

Развернувшись, Шуст припустил в сторону рощи. Карат не ожидал от него такой скорости, бегал неловкий с виду спутник и правда отменно. Но то, что произошло спустя пару секунд, стало куда большей неожиданностью. Ноги Шуста

заработали с такой быстротой, что размазались в пространстве, – невозможно было разглядеть ни ступни, ни колени. Все равно что пытаться высмотреть мелкие детали на колесе бешено мчащейся машины.

Скорость при этом возросла так, что не всякий велосипедист сможет развить подобную, да и то лишь скатываясь с крутой горки. Человек не может так бегать, это выходит далеко за рамки наших возможностей. Знаменитейшие олимпийские чемпионы-спринтеры в сравнении с нынешним Шустом не более чем разжиревшие черепахи.

Так вот что он имел в виду, когда упоминал непонятные новые умения, которым для развития требуется дорогостоящий горох.

Рубер быстро приближался, до него уже оставалось не более полусотни метров. Карат встал поудобнее, готовясь встретить тварь одним сильным и точным ударом. Не вызывает сомнений то, что вторую попытку ему никто не даст, так что надо не опростоволоситься – врезать от души. Глядишь, что-нибудь и выгорит.

Хотя – вряд ли. Чем ближе монстр, тем призрачнее представляется шанс. Теперь можно разглядеть подробности. Массивное тело с гипертрофированным плечевым поясом, от которого отходят две толстые длинные руки, спускающиеся почти до колен. Вес верхней половинки, видимо, чересчур велик, что заставляет тварь двигаться, наклонившись вперед и сильно ссутулившись. Подбородок непомерно огромный,

выдающийся вперед. Похоже, что хватка безобразно раздувшихся челюстей бульдожья. Кожа темная, на лице и средней линии торса выпячивается угловатыми буграми – наверное, те самые пластины костяной брони. На лысой голове их больше всего: острые выступы из того же материала там и сям торчат из предплечий, превращая лапы в подобие дубин с шипами.

Даже с огнестрельным оружием непросто свалить столь стремительно передвигающегося монстра, а уж топором нечего и думать. Но не стоять же опустив руки! Покорность судьбе не в характере Карата.

Тварь уже так близко, что в приоткрытой пасти можно разглядеть двойные ряды жутких зубов. Не верится, что ЭТО когда-то было человеком, – ничего общего не осталось.

А уж взгляд каков: чистая смерть, одобренная плотоядной жадностью.

Чудовище промчалось в нескольких шагах от Карата. И побежало дальше, вслед за Шустом, который уже почти добрался до деревьев.

Карат, ничего не понимая, уставился вслед. Монстр, будто реагируя на его взгляд, на бегу обернулся, посмотрел в ответ. В его глазах можно было прочитать полный сценарий развития событий: сперва догонит самого прыткого, после чего прикончит, затем вернется к неподвижной добыче и поступит с ней аналогично.

Логика в таком ходе событий есть, теперь понятно, как

именно Шуст планировал подарить Карату немного времени. Тварь сейчас считает, что сумеет догнать сверхбыстрого бегуна. А тот, уведя ее от медлительного спутника, оторвется, помчавшись по-настоящему. Хотя и сейчас скорость его невероятно высокая, очевидно, что это еще не предел.

Судя по взгляду, монстр не из тупых. Быстро поймет, что эта добыча слишком прыткая для него, и ему не останется ничего другого, как довольствоваться половинкой от запланированного обеда.

То есть тушкой Карата.

У него осталось всего несколько минут жизни, и это еще в лучшем случае. Убраться подальше вряд ли успеет, он не бегун-рекордсмен.

Значит, что остается? Стоять с топором в ожидании смерти? Или...

Или за отведенный короткий срок разработать метод убийства твари. Топором он ее не срубит, это очевидно, пулеметом в ближайших окрестностях вряд ли разживется.

Тогда что остается?

Остается думать, и думать надо быстро. К тому же делать это можно на ходу. И даже нужно. Бегом, бросив мешающий топор, со всей возможной скоростью, назад к заводу. В открытом поле шансов нет вообще, а там...

Там он, возможно, найдет способ разделаться с монстром.

Пожарный щит никуда не делся, что неудивительно. Лопаты, огнетушители, ведра и багор Карата не заинтересовали. Ему нужно лишь одно – тяжелый длинный лом. Удобная штука, если надо разнести кому-то голову, вот только против нынешнего противника – вариант ничем не лучше топора. Не поможет.

Но это если применять его бездумно, не используя преимущества, которые можно организовать без потери времени.

Лом толстый, ровный, ухватистый и очень тяжелый – то, что надо. Ветхая метла, которая пристроилась в уголке возле щита, тоже пригодится. И прекрасно, что связка прутьев едва держится на древке, тем легче вытащить рукоятку, заменив ее концом лома. Сорвать бечевку с красными лентами в узелках, что окружает траншею с раскопанной трубой, затянуть, укрепляя сцепление. Готово.

Теперь у Карата метла, предназначенная для по-крупному проштрафившихся дворников – с тяжеленным ломом вместо рукояти. Остается не выронить ее на непростом пути.

Придется вновь карабкаться наверх. Но не на крышу цеха, с которой они с Шустом недавно наблюдали за окрестностями, а на кирпичную трубу. Высотой метров под сорок, с лестницей, упрятанной за барьером из металлической ре-

шетки, что защищает от падения.

На полпути он обернулся в сторону рощи и увидел неприятную картину. Монстр поспешно возвращался, он будет внизу максимум через минуту. Очень хорошо, что Карат не поддался первому порыву бежать сломя голову в сторону горизонта, далеко уйти не успел бы. А сейчас у него есть какой-никакой, но шанс. Главное, не уронить лом, спуститься за ним он уже не успеет. Карабкаться, работая одной рукой, очень неудобно, но других вариантов нет.

Выше, выше, еще выше. Все, он на вершине. Остановиться, ухватиться свободной рукой за штырь молниеотвода, посмотреть вниз. Вовремя, монстр уже здесь.

Рубер, подскочив к трубе, не стал хвататься за перекладные лестницы. С его широкими плечами протискиваться там будет непросто. Вместо этого он с предвкушением заурчал и начал карабкаться вверх, цепляясь за холодные прутья обрешетки. И делал это прямо-таки с обезьяньей ловкостью. Ему и полминуты не понадобится, чтобы добраться до Карата. И вообще, подпускать его близко нельзя, надо использовать все преимущества высоты, это единственный шанс.

То, что тварь не полезла по лестнице, плохо. Там в нее гораздо легче попасть. Но сейчас она шла четко по одной стороне решетчатой галереи, не уклоняясь. Если чуть повезет, все пройдет, как запланировано.

Карат перебрался на предохранительную решетку, свесился, навалившись на ее срез, примерился, от всей души

размахнулся и запустил ломом, будто копьем, целясь в макушку быстро приближающейся твари.

Самое время проверить, насколько крепки пластины на лысой башке.

Лом, разгоняясь под действием силы тяжести, пролетел пару десятков метров, не развернувшись в воздухе ни на сантиметр благодаря стабилизатору, который наскоро соорудили из выдавшей виды метлы. Ровно пошел, будто оперенная стрела, и острым концом тюкнул монстра точно в стык уродливых костяных нашлапок.

Это было блестящее доказательство того, что против лома нет приема! Шестигранный металлический прут с противным звуком ушел в тело твари чуть ли не на четверть своей немаленькой длины.

Глава 9

Спустившись с лестницы, Карат первым делом отправился все к той же роще, надо было забрать брошенный возле нее топор. Он был нужен не как оружие, а в качестве инструмента мясника. Ноги твари застряли в решетке, тело висело на двадцатиметровой высоте. Пришлось примоститься сбоку, помахать немного, заставив его освободиться. Уже упавшему руберу Карат без лишних неудобств отрубил голову.

Далее возникла заминка, у Карата не было ножа. Как назло, в машине остался отличный охотничий, некогда по случаю приобретенный на тематической выставке. Носить такое чревато разборками с правоохранителями, а вот возить – самое то. Но до покалеченного «уазика» далеко, придется выкручиваться имеющимися средствами.

Поэтому пришлось мыть лезвие топора, для чего пригодился все тот же пожарный щит. Точнее, установленная возле него бочка с дурно выглядевшей водой.

Топор был тупым, а споровый мешок выглядел серьезно, его тоже прикрывали костяные пластины, пусть и частично. Но против грубой силы защита не устояла, и вскоре Карат копался в содержимом. В отличие от той твари, которую убил Шуст, здесь не было свалявшейся грязной паутины, все свободное пространство заполняли грубые нити из ядовито-оранжевого полупрозрачного материала. Он сильно

напоминал длинные тонкие прутики вареной крахмальной вермишели, небрежно высыпанные на грязную тарелку.

Омерзительную работу нельзя назвать кровавой – ни капли не пролилось. Но все равно неприятно. Однако Карат ни разу не поморщился. Фляжка с живительным напитком осталась у Шуста, а в памяти еще свежи воспоминания о том, как нехорошо ему было до того момента, когда он сделал первый глоток. Без этой гадости ему здесь не выжить, так что надо терпеть.

Споранов оказалось одиннадцать штук, что куда больше, чем в случае с первой тварью. Помимо этих серых виноградин обнаружили пять горошин и еще один шарик такого же размера, но совсем не похожий на спрессованный желтоватый сахар. Настоящая черная жемчужина с завораживающим перламутровым отливом – вот что это такое. Хоть бери и в золото оправляй – очень красиво получится.

Шуст никогда не говорил о таких шариках, упоминал лишь спораны и горох. Но обо всех мелочах он рассказать не мог, значит, эта непонятная штуковина тоже может быть ценной.

Добычу Карат завернул в кусок оторванной от рубахи ткани, после чего спрятал сверток на дне надежного кармана.

Настало время задуматься о дальнейших действиях. Место это относительно безопасное, рубер, судя по всему, активно подьедал всех прочих зараженных, по этой причине им здесь не очень нравилось. Но какой смысл здесь торчать?

Почти заброшенный объект, царство ржавчины и разрушающихся конструкций. Лишь в паре мест не было следов запустения, но ничего интересного Карат там не заметил. А ему, между прочим, очень хотелось есть. Аппетит, неожиданно проснувшись, разгорелся до зверского состояния.

Есть еще одна проблема – он не знает, что делать со спорами. Не догадался спросить рецепт отвратного напитка. Если бы их можно было применять в твердом виде, вряд ли бы люди связывались с жидкостью. Значит, должна быть какая-то хитрость, и без знающего человека он может все запороть.

Вывод – надо этого знающего человека где-нибудь найти.

Где? Да откуда же Карату знать... У него сейчас один выход – идти куда ноги несут. Но для начала надо вернуться назад, в город. Это свежий кластер, там он без труда найдет припасы на первое время.

Да – опасно, но вариант получше в голову не приходил.

Было бы неплохо встретить кого-нибудь адекватного вроде Шуста. С опытным спутником будет проще, плюс под рукой окажется источник столь необходимой информации.

Уж как готовить живчик тут, должно быть, знают абсолютно все.

* * *

Помня наставления Шуста, он не стал возвращаться по

старым следам. Сделал приличный крюк, намереваясь выйти на речной поворот. Если границы между кластерами прямые, в этом месте часть города могла оказаться на левом берегу, то есть ему не придется искать уцелевший мост. Вообще не понадобится переправляться, маяча на открытой местности.

Расчет Карата оправдался. Спустя час с хвостиком он с безопасной дистанции наблюдал за крошечным кусочком города, по воле геометрии оказавшимся на нужной стороне. Лента объездной дороги с развязкой, от которой отходила одна из основных областных трасс; стоянка, наполовину забитая машинами; дилерский центр, где торговали не слишком популярными иномарками. Продуктовых магазинов не наблюдалось, но человек любит делать запасы где можно и нельзя. Пошарить вдумчиво – и обязательно что-нибудь найдется.

Решив, что дилерский центр – лучший вариант, направился к нему. Пустыши, до этого с бессмысленным видом бродившие по округе или просто стоявшие, при появлении Карата резко оживились, все как один потянулись в его сторону. Эта особенность тварей ему не нравилась, ведь по такой активности нежелательные наблюдатели могут издали догадаться, что в этом месте обитают не только мертвяки.

Впрочем, и остальные особенности этих гадин ему не нравились.

Быстро пробежать до стоянки. Далее замедлить ход, укры-

ваясь за машинами. А вот и нужные двери. Увы, заперты. Можно поработать топором, но толстое стекло – достойный соперник. Сдастся, конечно, но с таким грохотом, что будет слышно на всю округу.

Помимо главного входа должны быть и другие, надо их просто поискать. Там, возможно, устроить взлом проще.

С этими мыслями Карат отправился за угол, где пришлось резко остановиться – в лицо уставился автоматный ствол, увенчанный самодельным глушителем. Сам автомат находился в руках усатого мужчины лет тридцати, облаченного в новенький камуфляж от пяток до макушки. Даже бандана у него была цвета хаки.

– Рот захлопнул! Не шуметь! Бросил топор! Бегом бросил! – с угрозой протянул незнакомец и, склонив голову, нажал кнопку на малогабаритной радиостанции, закрепленной на плече, проговорив непонятное и нехорошее: – Точку спалили, свежак левый появился, пустышей навел. Даже если его грохнуть, они теперь все равно оравой тут крутиться будут.

Рация еле слышно пискнула, донесся ответ:

– Уводи его оттуда.

– Понял.

Указав стволом в сторону лесополосы, что тянулась далее вдоль трассы, автоматчик прошипел:

– Идешь прямо туда. Ни шагу в сторону и не оглядываться. Дернешься, пристрелю сразу. Пошел!

Ничего другого не оставалось, как подчиниться.

Дошли до деревьев, где Карат на ходу мрачно уточнил:

– Через кусты ломиться?

– Сказано же было – иди прямо! Или по-русски не понимаешь?! Вперед!

Кусты здесь на редкость густые. Спасибо, что не колючие. Пробившись через стену на совесть спутанных ветвей, Карат оказался на относительно свободном пространстве – здесь, в тени от деревьев, заросли были не настолько серьезными.

А еще здесь скрывались люди. Пять человек: двое полностью в камуфляже, двое частично в нем, и лишь один в мешковатых штанах и черной кожаной куртке. Из всех присутствующих он был самым старшим, лет за сорок, остальные не младше двадцати пяти, но и не старше тридцати. Все при серьезном оружии: четыре автомата и ручной пулемет, у парочки пистолеты в кобурах, к дереву прислонена зеленая труба одноразового гранатомета.

«Гражданский», с неприязнью уставившись на Карата, спросил:

– И кто тебя просил нашу точку палить?

Тот пожал плечами:

– Не знаю, о чем ты вообще, но даю честное пионерское слово, что поджогами не занимался.

– Типа с чувством юмора? Кто такой?

– Карат.

– Ух ты, да у него уже имя есть, а мы-то подумали, что ты свежак.

– Я и есть свежак. Свежий.

– Свежие у нас себя Сережами да Сашами зовут.

– А я тут пересекся с одним, он меня и окрестил.

– С кем?

– С Шустом.

– Не знаю такого.

Усатый вмешался в разговор:

– Мелковатый, с брюшком небольшим и хитрый весь такой? Болтливый.

– Похож, и поболтать любит.

– И бегает как наскипидаренный?

– Да, это точно он.

– Шапкун, ты этого Шуста знаешь? – уточнил усатый.

– Да, сталкивались пару раз. Мужик в первые ряды не лезет, но болтун и выпить не дурак, такого запомнить легко. Он раньше таскал жевела² от ксера, который уже третий год сидит в шестьдесят втором. Кирпичники за них отваливают неплохо и берут сколько ни дай.

– А чего бросил это дело? Не отбивалось?

– Да может, и не бросил, но слышал я, что недавно он нарвался по-крупному. Потерял весь товар, голый и босой остался.

– Бывает... Карат, ты нам всю малину обломал. Мы тут не просто так сидим, мы дорогу пасем. Важная дорога, важные машины по ней катаются. Сам понимаешь, что нам лишнее

² Жевело – разновидность капсулей для гладкоствольного охотничьего оружия.

внимание совсем ни к чему, а ты всех пустышей переполошил, теперь они не скоро успокоятся.

– Они бы и без меня возбудились из-за вашего Шапкуна. Он ходил там же, где и я.

– Не ходил он, а устроился на точке удобной. Его пустыши игнорируют, такой уж талант у паренька. Только тебе там что-то понадобилось, вот и навел ораву. Теперь эта точка стала совсем горячей, придется менять, а мы на нее рассчитывали. Не наша это поляна, вклинились удачно, думали сработать там, где никто нас не ждет. А теперь за версту видно, как пустыши переволновались, и даже полный баран поймет, что неспроста это.

Карат покачал головой:

– Я половину из сказанного не понимаю.

– Ну да. Молодой да ранний, мало знаешь, о глупом думаешь. Говори, что в городе видел, может, полезное услышим. Люди какие-нибудь, твари сильные, может, машина интересная где проехала. Или ты туда не совался?

– Совалясь. Я там Шуста встретил, он помог мне от лотерейщика отбиться.

– Это тогда одежду порвал?

– Нет, до этого приключения нашел.

– Например?

– Беспилотник по моей машине отстрелялся. Тоже на развязке, но с другой стороны города.

– Что за беспилотник?! – подобрался старший.

– Не знаю. Самолет на крест похожий, Шуст его почему-то «мессером» назвал.

Собеседник кивнул:

– Этот дрон так и называется у многих. Хотя я бы не сказал, что он на «Мессершмитт» похож. Ничего общего. Ракетами бил или из пулемета?

– Ракеты. «Уазик» разнес, меня потрепало немного.

– А чего тебя не добил?

– Может, не видел, я в сторону откатился, лежал в траве.

– У него тепловизор крутой, эта зараза все видит.

– Может, ракеты закончились.

– Возможно. Что еще видел?

– Группу какого-то Бидона.

– На «буханке» катаются?

– Да.

– Вот же лохи, я думал, что их сожрали уже. Повезло тебе, могли и грохнуть. Они там все до единого нервные и тупые, у всех под ногами путаются. Долго такие не живут, они это сами понимают, вот и нервничают. А где Шуст? Почему ты один?

– Расстаться пришлось.

– Почему?

– Рубер напал.

– Рапан?

– Шуст называл его рубером.

– Можно и так. А почему ты до сих пор жив? Или этот

Шуст нереально крутой и завалил его?

– Не уверен, что Шуст крутой. Сбежал он. Быстро бегают.

– Ага, – поддакнул усач. – За ним на мотоцикле хрен утонишься.

– Бросил, говоришь? Ну тогда я вернусь к изначальному вопросу: почему ты до сих пор живой? Сумел сбежать от рубера?

– Не сумел. Пришлось его убить, по-хорошему он не понимал.

– Шапкун, что за ствол у этого смешного балабола?

– Он пустой, только топор.

– Так ты что, топором загасил рубера?

При этих словах все шестеро заулыбались, а один высказал нецензурное емкое слово, показывающее, что он нисколько не верит в вероятность подобного события.

– Не топором. Ломом.

– Это как?

– Пробил ему башку.

– Красиво врешь.

– Я забрался на заводскую трубу, дождался, когда он полезет за мной, и с высоты скинул лом ему на макушку. Перед этим привязал к концу метлу, она вместо стабилизатора работала, чтобы в воздухе не развернулся. Лом разогнался как следует и пробил пластины на макушке.

– История хитро закручена, но все равно не верю.

Пулеметчик встрял в разговор:

– Расист, пусть покажет, что взял с рубера, тогда можно и поверить. Руберы пустыми не бывают, в них полно всего.

Старший кивнул:

– Думаю, Шуст успел научить тебя самому полезному, и то, что с затылка рубера можно неплохо поиметь, ты бы догадался. Рожа у тебя продуманная, на совсем уж печального лоха не похож, так что показывай.

Карат уже не рад был, что вообще упомянул того монстра. Очень скользкая тема. Кто его знает, что это за ребята, но миролюбивыми они не выглядят. А он добыл из туши твари несколько весьма ценящихся здесь предметов. И что совсем уж плохо – понятия не имеет, насколько велика их стоимость.

Очень может быть, что они куда дороже, чем жизнь свежеиспеченного иммунного.

Но не включать же задний ход. Поздно уже, влип по полной. Так что пришлось лезть в карман, доставать сверточек, разворачивать.

Расист присвистнул:

– Ну ни хрена себе! Братва, у него жемчужина!

– Черная... – замороженно протянул усач и нехорошо покосился на Карата.

– Она самая дешевая, – заметил пулеметчик.

– Ну и что? Все равно цена зашкаливает, это же тебе не горох.

– А я разве другое сказал? Дешевая – не значит, что за

гроши можно загнать.

Подкинув жемчужину на ладони, Расист заметил:

– Теплеет... настоящая. Карат, ты знаешь, что это такое?

Тот пожал плечами:

– Первый раз вижу. В лотерейщике такого не было, только спораны и одна горошина.

– В нем и не бывает, мелочь он пузатая. Жемчуг добывают из элиты. Иногда, очень редко, он может попасться в рубере. Так что тебе очень повезло.

– Да зачем свежаку такая штука, – не выдержал усач. – Слышь, Карат, давай как-нибудь договоримся.

– А ну притих! – рявкнул Расист. – Ты, Шапкун, что-то много начал позволять себе в последнее время. Мы не бес-предельщики, и Карат нам тоже в суп не плевал.

– Он пустышей навел на точку.

– Есть косяк, но его вины в нем не вижу. Он перед нами чист, у нас претензий быть не может. На жемчуг новичков кидать – примета не очень, сам знать должен. Новичков вообще ни на что кидать нельзя. И вообще, о чем базар? Мы правильные, мимо нас можно с ведром жемчуга пройти, и мы даже не почешемся. Мы люди, а не муры конченные. Так что меняй тему, не доводи до греха.

– Расист, да он дойдет до того же Бидона и останется в канаве без жемчуга и без башки. Он же совсем зеленый и тупой.

– Зеленый или нет, а рубера завалил без ствола. Ты мно-

го таких деловых знаешь? Или, может, сам повторишь, а мы посмотрим? Вот и я о том же. В общем, Карат, как ты уже понял, тебе в руки попала вещь не из простых. Честно говоря, не всякому дано ее хотя бы увидеть, а уж обзавестись...

– И чем этот шарик так ценен?

– Он, Карат, куда круче гороха поднимает здешние умения. И нередко бывают случаи, когда активирует новые, которых до этого не было. Изначально их у нас или вообще нет, или одно-два. Другого способа поднять количество не придумали еще. Только время или жемчуг. А ведь чем больше ты умеешь, тем дольше проживешь. Если повезет, так вообще не придется никогда соваться в опасные места. Засядешь в добротном стабе, а все за тебя там впрягаться будут при малейшем шухере.

– Что-то не заметил я за собой новых умений. Не отказался бы научиться бегать так, как Шуст.

– Бег – полная фигня, – заявил пулеметчик. – Мечтай, чтобы из тебя ксер вылутился, вот где не жизнь, а сплошное варенье.

– Ходят слухи, – продолжил Расист, – что новичок, у которого новые умения еще не проклюнулись, может слопать жемчуг и открыть целую пачку, причем самых полезных. Думаю, что это всего лишь одна из баек, на которые так богат Улей, но мало ли... Получается, у нас здесь непростая ситуация. Ты еще не оперился, и таскать такое бегство в кармане опасно. Пойдешь дальше, тот же Шапкун тут же стукнет ко-

му надо, и тебя перехватят ребята, которым плевать на плохие приметы. Ну это если сам не прикончит. Понимаешь?

– Никому я не стукну! – возмутился усач. – За гнилого мура меня держишь?

– Цыц! – беззлобно заткнул его Расист. – Выманивать у тебя такую штуку – некрасиво. Гнилые дела, не про нас это. Для тебя и для всех лучшим вариантом будет, если здесь ее и употребишь. И ребят моих во искушение не будешь вводить, и себе руки освободишь. Жемчужина весит крохи, но уж поверь, тяжесть за ней немалая, давит на плечи всем обладателям. Это все равно что ходить по рабочей окраине с полными карманами бриллиантов и спрашивать у шпаны, где именно их можно с выгодой толкнуть.

– Понял. И как ее употребить?

– Просто проглоти. Ее только так употребляют – в чистом виде. Яда в жемчужине нет, сплошной нектар. Так что давай, не тяни.

Карат, приняв протянутый черный шарик, покрутил его в руках. Странно теплый, будто на раскаленной печи полежал, но в остальном ничего необычного не видно.

– А запить не найдется? В смысле живчиком не поделиться? Своего нет, как делать, не знаю.

Расист протянул фляжку:

– Хлебни. А делается он просто: один споран разводишь на пол-литра воды, доливаешь чуток спиртного, перемешиваешь тщательно, даешь постоять пару минут. Потом проце-

живаешь через сложенную в несколько слоев марлю, чтобы от осадка избавиться, он ядовитый. Помногу не пей. Желательно вообще не прикасаться, пока мутить не начнет, или не заработаешь ранение. Рецептов вообще-то море, но основной принцип тебе рассказал, а все остальное – пустое эстетство. Ну давай, глотай уже, пока я вслед за Шапкуном не начал мечтать кинуть свежего на жемчуг.

Карат положил шарик на язык, сглотнул, навернул добротный глоток из фляги, отдал ее Расисту:

– Благодарю.

– Ну и как тебе?

– Да вроде никак. Греет живот только. Хотя нет... вроде не греет уже. Показалось.

– Не показалось. Так и должно быть – сперва всем греет брюхо, но это быстро заканчивается.

– А потом начнешь в элитника превращаться, – с кривой усмешкой добавил Шапкун.

– Не накаркай! – рявкнул Расист.

– Что?! – не понял Карат. – В кого это я начну превращаться?!

– Просто мы не все тебе про жемчуг рассказали... Бывает всякое... Ну... побочные эффекты.

– Можно превратиться в хрен знает кого?!

– Бывает и такое, хоть и нечасто. Обычно если и меняются, то только внешне и местами. Прежний ум сохраняется, так что остаешься человеком. Не очень красивым чело-

веком. Некоторые просто травятся так, что месяцами потом отлеживаются и нехорошие проблемы зарабатывают.

– А раньше нельзя было рассказать?!

Расист покачал головой:

– Никак нельзя. Ты из новых, не понимаешь еще, куда угодил. За такой шанс, какой тебе выпал, любой готов руку отдать. Вдруг и правда на свежих новичков так действует, как говорят. И заметь, что всем плевать на риск. Абсолютно всем. Ты потолкаешься здесь немного и сам поймешь. Ведь если повезет, заработаешь умение ксера, и это все – твоя шоколадная жизнь состоялась. Больше ни о чем думать не надо, найдется кому за тебя подумать. Так что еще не раз будешь нас вспоминать, радоваться, что на таких замечательных людей нарвался. Все, ребята, живо закругляемся. Пора ноги уносить.

– Ствол у вас купить нельзя? – решил немного понаглеть Карат.

– Лишних нет, но в стабе со своей добычей ты варианты найдешь. Горох всегда в цене.

– Знать бы еще, где этот самый стаб...

– Да их полно, подскажем. Шагай за нами, потом объясню подробно. Тут опасно, активность пустышей издали засечь могут, а местечко популярное, не из простых.

Глава 10

Похоже, мания передвигаться от укрытия к укрытию здесь развита поголовно, а не только у быстрого Шуста. Шестерка новых знакомых около километра двигалась по лесополосе, пока не достигла глубокой траншеи, пересекавшей ее почти под прямым углом. Здесь группа остановилась, и Расист долго сидел в кустах, оглядывая окрестности в бинокль. При этом все помалкивали, пустые разговоры на марше строго запрещались. Все, что сумел понять Карат из отдельных брошенных слов и фраз, – дорога, вдоль которой они шли, была весьма опасным местом, где можно нарваться на каких-то загадочных внешников. Причем, судя по контексту, вряд ли они относятся к зараженным. Это какой-то принципиально иной враг.

Вот только не факт, что это враг Карата. У Расиста и прочих с ними могут быть свои напруги, так что он рискует огрести лишь за то, что попал не в ту компанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.